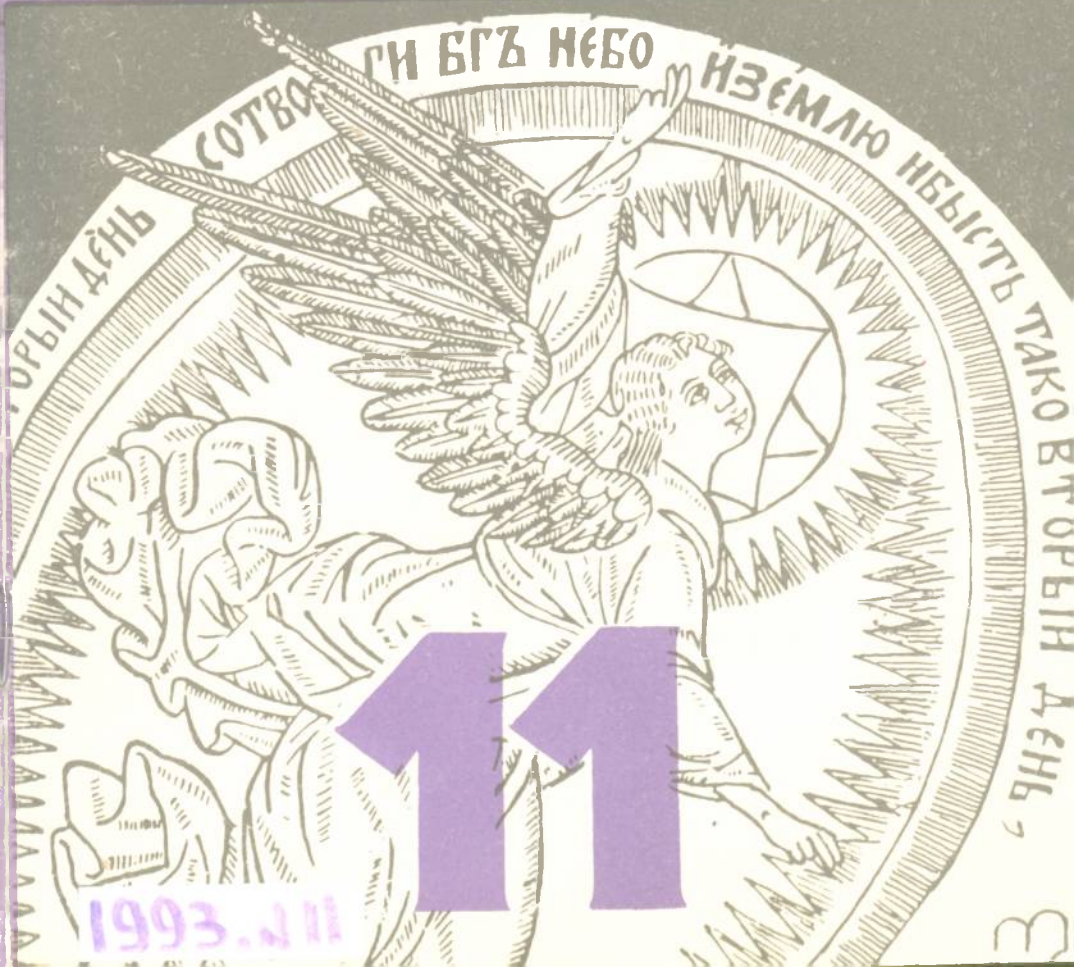

1993

ЛАД

1
1993

ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

1993. II

11

12/17-15 OHP

НОЯБРЬ 1993 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ
ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Русский народ на протяжении веков свято хранил живую веру в реальность этого события.

«АПОСТОЛ ЗЕМЛИ РУССКОЙ — СВЯТОЙ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ», стр. 4.

...Случилось непредвиденное: самолет задел крылом деревья и кустарник и столкнулся с автомашиной...

Анатолий Орлов. «ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ОЗЕРЕ ЛАЧА», стр. 13.

Коулин не сразу заметил, что глиняные фигурки, которые он лепит, стали двигаться. А ведь он лепил их много лет...

Роберт Блох. «ВЕСЕЛЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ», стр. 30.

В Москве и провинции многие знали Владыку как мудрого и благодатного духовного руководителя. Он был настоящим православным «старцем» — руководителем людей и в их практической жизни, и на их путях к спасению.

А. Ельчанинов. «ЕПИСКОП-СТАРЕЦ», стр. 46.

Однажды, правда, сидел, смотрел телевизор — и вдруг ляпнул: «Гоша в тапочках». Может, он таким образом хотел привлечь внимание общественности к тому, что давно уже босой ходит, тапочки, мол, ему потребовались?

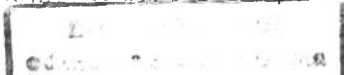
Алексей Кудряшов. «ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ГОША», стр. 61.

Обложка художника Сергея Ивлева (в оформлении использована гравюра из «Библии в картинках» Василия Куреня).

На 2-й стр. обложки фото Сергея Доница, на 3-й стр. обложки — фото Валерия Решетникова

Редактор А. К. Сальников

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3. Телефоны: 2-53-21, 2-20-95, 2-02-72.

СЛОВО О ЛАДЕ

Чем можно обозначить себя, чем можно обозначить что-то вокруг?! Мир перепутался, завертелся, раскапризничался. Век за веком все встает с ног на голову... Потом наоборот. А что за всем этим? Ни на один вопрос невозможно ответить конкретно, раз и навсегда. За исключением тех случаев, когда это касается всех сразу. И когда «эти все» хотя бы частично представляют, что им надо, что они видят. Цель!

Россия. Вологда... Что тебе надо? Спокойствия? — «— Нет, — отвечает Россия, — никогда я не знала его... Никогда! Спокойствие — свойство мертвых». Может быть, Вологда спокойна? Наверное, только кажется.

И наше местное население ищет себе проблемы... Наши люди, вызывающие шторм, всюду.

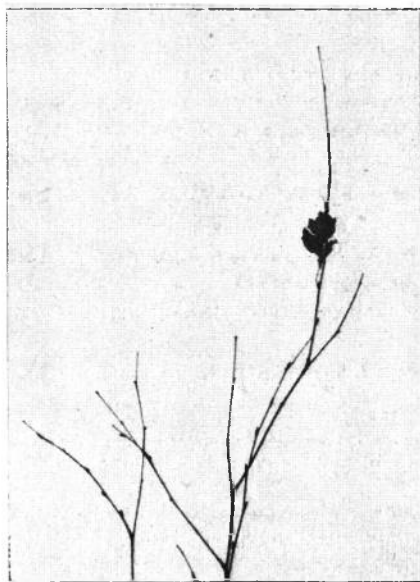
Вы когда-нибудь слышали, или может читали, что где-то у нас рай, спокойствие, благодать...? И все друг другу рады, улыбаются и верят на слово? Если и услышите, то не поверите, Вологда — это наша семья. Триста тысяч. И мы вынуждены выходить на улицу, тереться друг о дружку в троллейбусе, аналогично в очередях... Бывает — я не спорю — призывы кота Леопольда срываются. Но уж очень редко и чахло. Улыбок мало...

«Простите, мадам... вы сегодня ничего не ели? Так что же вы сердитесь на осенние листья?!» Кто-то сказал в толпе: «Я желаю, чтобы наш парламент был умнее!!!» Много желаешь... Если парламент будет умнее, значит, это не парламент.

Вы хотите без стрессов и кризисов прожить всю жизнь? Сытым и равнодушным эгоистом с ясной моделью «Да» и четкой моделью «Нет»?... Жизнь наша — река наша. Наша Родина — наша боль и радость. И берега... так извилисты, воды так стремительны... И кто не успевает осознать ее ритм, тот может погибнуть. Россия любит тех, кто идет против, кто не любит берегов. Она даст нам передышку, еще будет расцвет, он близок... Но только чтобы расслабиться, отдышаться, Россия неспокойна. Ее нервный и ретивый ритм смешан с кровью и алкоголем... Здесь вечная битва времени и застоя. Многие специально создают себе вечное похмелье, многие уезжают, не выдержав нагрузки... Но и слава Богу, что есть место на Земле, которое нельзя окончательно пригладить, вылизать и поставить знак

качества. Река есть река. Не смирение здесь, а созвучие ее жизни. Лад. Качество, необходимое оркестру, чтобы создать симфонию жизни, чтобы сверкала молния и дрожали стены... Потому что после шторма очищается небо; тишина и голубизна бесконечности — это скрипичные паузы между ударами литавров. Прислушайтесь к сердцу. Оно не суетится. Но чем сильнее ощущается пульс, тем сильнее течение реки. Ищущий одной только тишины погружается в тину... И это не признак старости, а путь к ней. Поэтически выражаясь, капитан в течение всего плавания устремлен в даль океана, даже если и надежды больше нет. В этом случае остается верность, присущая старому поколению. Поиск согласия всех и вся — вот ключ к тайне. Радостное и открытое восприятие происходящего и непреклонная воля и вера. Стремление к торжеству света, пробивающегося сквозь нас, наши терпение и мудрость.

Александр ЭФ.

Фотоэтиюд Олега Юшкова.

АПОСТОЛ ЗЕМЛИ РУССКОЙ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Память 30 ноября/13 декабря

Святой апостол Андрей был учеником святого Иоанна Крестителя, проповедовавшего на реке Иордане. Когда Иисус Христос, уже после крещения и сорокадневного пребывания в пустыне появился на Иордане, Иоанн Креститель, завидев его, сказал двум своим ученикам, стоявшим рядом: «Вот агнец Божий».

И оба юноши последовали за Спасителем. Это были святой Андрей, который потому и называется Первозванным, что первым пошел за Христом, и евангелист Иоанн. Однажды Андрей вместе с Петром, братом своим, ловил рыбу. И Христос обратился к ним:

— Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

По зову Господню Андрей и Петр, бросив сети, пошли за Христом. Во время земной жизни Иисуса Христа апостол Андрей был одним из ближайших учеников Господа. После Вознесения Христа и сошествия Святого духа на апостолов, удостоившись вместе с ними дара «говорить на иных языках», апостол Андрей отправился из Иерусалима с проповедью веры Христовой. Он «получил в жребий себе Скифию», то есть земли север-

ного Причерноморья между Доном и Дунаем, на которых жили различные восточнославянские народности, в том числе руссы (русские).

На своем пути апостол Андрей претерпел много лишений и мук ради Христа, не раз его пытались предать смерти, но милость Божия хранила и укрепляла его. По молитвам апостола Господь творил многие чудеса, трудами его Господь утверждал свою Церковь: во многих городах и селениях апостол Андрей основывал христианские общины, рукополагая для них епископов и священников.

Русские летописи повествуют о пребывании апостола Андрея в Среднем Приднепровье, в районе нынешнего Киева, на месте которого в I веке были поселения древнерусского племени полян.

«Видите ли горы эти? На них воссияет благодать Божия, будет великий град и многие церкви Бог воздвигнет», — так, по свидетельству «Повести временных лет», сказал апостол Андрей. — И поднялся на горы эти, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы, где после стал Киев, и пошел по днепровской круче».

СВЯТОЙ АПОСТОЛ
АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Русский народ на протяжении веков свято хранил живую веру в реальность этого события. В 1086 г. в память о посещении апостолом Андреем в Киеве была заложена церковь во имя святого апостола Андрея великим князем Всеволодом Ярославичем. Ныне на этом месте — один из красивейших храмов Киева, возведенный архитектором Расстрелли.

В память о посещении Древней Руси святым апостолом Андреем первый орден в России, учрежденный Петром I, был орденом святого Андрея Первозванного.

По древним сказаниям, апостол Андрей прошел вверх по Днепру в новгородские и псковские земли, проповедовал в них слово Божие и дошел до села Грузино, где водрузил свой апостольский жезл. Местом последней проповеди и мученической кончины апостола Андрея стал город Патры в Греции. Остановился он здесь у одного знатного мужа по имени Сосия. Апостол поднял Сосия с одра болезни и после этого обратился к Христу. Многие жители Патр, одержимые различными недугами, выздоровели после того, как святой Андрей возложил на них руки. Среди излеченных была жена местного правителя и его брат. Жители Патр, убежденные проповедями апостола и чудесными исцелениями, все приняли христианскую веру.

Это взбесило правителя города Эгеата. Он схватил святого апостола Андрея и бросил в темницу, собираясь на следующий день приговорить его к смерти.

Вокруг темницы собрался народ, который хотел убить Эгеата, Анд-

И НЫНЕ, И ПРИСНО

АПОСТОЛ ЗЕМЛИ РУССКОЙ СВ. АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

рея же освободить из темницы. Но святой апостол удержал их, говоря:

— Не превращайте мира Господа нашего Иисуса Христа в дьявольский мятеж. Господь наш, будучи предан на смерть, показал терпение, и не было слышно на улицах гласа Его. Посему и вы молчите и будьте спокойны. Если и нужно бояться мук, то — только таких, которые не имеют конца (то есть осуждения на Страшном суде). Временные же страдания, если они незначительны, то переносятся легко; если же они велики, то скоро, удалив из тела душу, сами окончатся. Но люты те страдания, которые вечны...

Поутру Эгеат, пытаясь заставить святого Андрея отречься от Христа, повелел растянуть его и бить. Три человека, избивавшие святого, сменились семь раз, но апостол не отрекся. И снова привели его к правителю, и снова тот потребовал отказаться от Слова Божия, и снова апостол пренебрег угрозами язычника.

Разгневанный Эгеат повелел распять святого Андрея на кресте, привязав его руки и ноги: он хотел, чтобы апостол принял как можно больше мучений и как можно дольше страдал.

Апостол висел на кресте два дня, и все это время, не уставая, проповедовал народу слово истины. Собравшиеся — а их было около двадцати тысяч — восклицали:

— Несправедливо так страдает святой муж!

И пошел народ к дому правителя, и, убоявшись волнений, Эгеат тотчас отправился, чтобы снять Андрея с креста. Но апостол не согласился — и слуги, хотевшие отвязать святого, не могли и прикоснуться к нему, потому что руки их приходили в омертвление.

— Господи Иисусе, — вскричал апостол Андрей, — прими дух мой с миром, ибо время уже мне придти к Тебе!..

Когда он говорил, его осиял свет с неба, как молния, на виду у всех,

и блистал вокруг него, так что людям невозможно было смотреть. Этот небесный свет сиял вокруг него с полчаса, и когда свет отступил, апостол испустил дух и отошел в блистании света, чтобы предстать Господу.

Святой апостол Андрей был распят на кресте, сколоченном в форме латинской буквы Х (отсюда и «андреевский крест»).

Произошло это в царствование императора Нерона, в 67 году н. э.

Проповедь

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Из Слова архиепископа Иннокентия Херсонского

Об авторе. Иннокентий, архиепископ Херсонский — знаменитый богослов и проповедник, в миру Иван Алексеевич Борисов. Родился в Орловской губернии, получил образование в Киевской духовной академии, обнаружил свой талант уже во время пребывания в ней. Он отличался своим ораторским талантом, обширностью своих знаний и оставил много сочинений. Скончался в 1857 году.

Кто называется ангелом-хранителем?

Ангелом-хранителем называется такой ангел, который даруется от Бога человеку при его вступлении в царство благодати — при крещении, чтобы хранить его в продолжении всей жизни и руководить к небесному отечеству.

Отчего же большая часть людей не ощущает на себе действий своего ангела-хранителя?

Оттого, что большая часть из нас не обращает никакого внимания

на своего ангела-хранителя; немало даже таких, которые вовсе не знают, что у них есть ангел-хранитель. Иные знают понаслышке, что у человека есть ангел-хранитель, и желали бы видеть над собою опыт ангельского охранения, но более из любопытства, чем для пользы душевной, — не стараясь нисколько сделать себя того достойными; прилично ли ангелу-хранителю удовлетворять желанию таких людей?

Кто виновен в том, что мало знают

Архиепископ
Иннокентий Херсонский
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

своего ангела-хранителя и еще менее стараются быть в союзе с ним? Виною этого наше невнимание к делу своего спасения, и происходящее отсюда невнимание к учению Слова Божия и святой Церкви об ангеле-хранителе и нашем отношении к нему. Святая Церковь делает с своей стороны все, чтоб не дать нам остаться в неведении о столь важном для нас лице, каков ангел-хранитель. Каждый первый день недели посвящается ею на прославление и молитвенное призывание ангелов вообще и ангела-хранителя в частности. Кроме сего, есть немалое число трогательных молитв к ангелу-хранителю для нашего домашнего употребления.

Какой надежнейший способ к вступлению в живое общение с ангелом-хранителем?

Внимание к себе, своей жизни, совести и к своему вечному предназначению; частое молитвенное обращение мысли и сердца к ангелу-хранителю; искреннее желание слышать его голос и следовать его внушениям; удаление от себя всего греховного и нечистого и жизнь ангелоподобная; вот, по свидетельству святых отцов, самые верные средства к вступлению в живой союз с ангелом-хранителем!

Что служит в человеке предметом хранения для ангела-хранителя?

Весь человек: дух, душа и тело — ум, воля и совесть, а вместе с этим и его внешнее состояние, и притом во всех случаях жизни. Потому от ангела-хранителя можно надеяться на всякую помощь, прибегать к нему с молением по всякой нужде и обстоятельствам. Но

преимущественно ангел-хранитель бодрствует над сохранением нашей души и совести. Ибо, хотя бы все было потеряно, даже здоровье и самая жизнь, но если цела душа и совесть, то человек цел: и ангел-хранитель радуется о нем как о сохраненном. Напротив, хотя бы весь мир был нами приобретен, но если погублены совесть и душа, то мы все потеряли и ангел-хранитель плачет о нас как о погибших.

Можно ли в надежде на ангела-хранителя предаваться опасностям? Никак. Дух тьмы предлагал некогда Спасителю свергнуться с крова церковного — в надежде, ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Иисус сказал ему: «Написано также: «Не искушай Господа Бога твоего».

Тем паче должен отвечать себе таким образом христианин, если бы пришла ему искушительная мысль отважиться, без достаточной причины, на что-либо опасное и превышающее его силы, в надежде на помощь ангела-хранителя.

На одно мы твердо и всегда можем и должны решаться, надеясь на помощь нашего ангела-хранителя (или, что то же, на помощь Божию): это сражение с нашей природой греховной: тут победа всегда возможна, ибо всегда необходима.

Каким образом обнаруживается

Святой
ангел-
хранитель

над человеком действие ангела-хранителя?

Обнаруживается — и чудесно, в тех случаях, где естественные средства недостаточны, а нужда в помощи величайшая, как, например, когда три святых отрока ввержены были в печь огненную в Вавилоне. Но во всех прочих обыкновенных случаях ангел-хранитель действует обыкновенным, ему свойственным образом. Но должно помнить, что ангельское и обыкновенное выше многого человеческого необыкновенного. Поскольку знание и силы ангелов далеко превышают всю мудрость и все могущество человеческое, то ангел-хранитель без чудес может сделать для хранимого им человека весьма много такого, чего он сам не мог бы для себя никогда сделать; например, может невидимо отклонять от человека опасности или благовременно предостерегать его о них; может вразумить ум тайными озарениями мыслей, может вдыхать в сердца благие желания — одушевлять, когда нужно, мужеством, утешать в скорбях и пр.

Какой главный орган у человека для сообщения со своим ангелом-хранителем?

Главный орган для сообщения человека со своим ангелом-хранителем, как и вообще с миром духовным, даже с Самим Богом, — сердце и совесть. Потому внимание к своему сердцу и совести — первый долг для того, кто хочет слышать голос ангела-хранителя.

Что должно каждому из нас делать в отношении к своему ангелу-хранителю?

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Архиепископ
Иннокентий Херсонский
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Первее всего — постоянно помнить, что у каждого из нас есть ангел-хранитель; ибо многие, к сожалению, об этом вовсе не думают.

Во-вторых, должно стараться проходить как можно более в постоянное и живое общение с ангелом-хранителем, пользуясь для этого всеми вышеуказанными средствами.

В-третьих, достигнув живого союза с ангелом-хранителем, должно поддерживать этот блаженный союз чистотою совести и жизни, а в случае грехопадения — надо восстанавливать его скорым и искренним покаянием.

Можно ли потерять ангела-хранителя?

Хотя ангел-хранитель дается человеку на всю жизнь и никогда не оставляет его совершенно до самой его смерти, но коль скоро человек, повторяя одни и те же грехи, предается совершенно страстям и, ниспадая из одного порока в другой, доходит, наконец, до ожесточения в грехах и нераскаянности, то ангел-хранитель, хотя и не оставляет вовсе такого грешника, но, побуждаемый несомненною чистотою естества своего с грехом, удаляется от него, так что грешник лишается ангельского покрова.

Что бывает, когда удаляется от человека его ангел-хранитель? Тогда открывается ближайший дос-

туп к человеку ангела тьмы; ибо при нем нет ангела-хранителя; при нем враг-губитель: а где этот враг, там тьма за тьмою, нечистота за нечистотою, нераскаянность за нераскаянностью, пока смерть не полагает конца грехам человека.

Может ли грешник возратить себе своего ангела-хранителя? Самый великий грешник может сделать это и примириться со своим ангелом-хранителем посредством искреннего раскаяния в грехах и оставления их навсегда. В таких случаях по слову Писания великая радость бывает не только для ангела-хранителя на земле, но и для всех прочих ангелов на небесах.

Какие молитвы и приношения со стороны нашей особенно приятны для ангела-хранителя?

Те, в которых испрашивается у него помощь на совершение благих дел, на подвиги самоотвержения,

смирения и любви христианской, на искоренение в себе худых навыков и страстей. Такими прошениями мы открываем ангелу-хранителю все удобство низводить своими молитвами на нас благодать Божию, для чего он особенно и дарован каждому из нас.

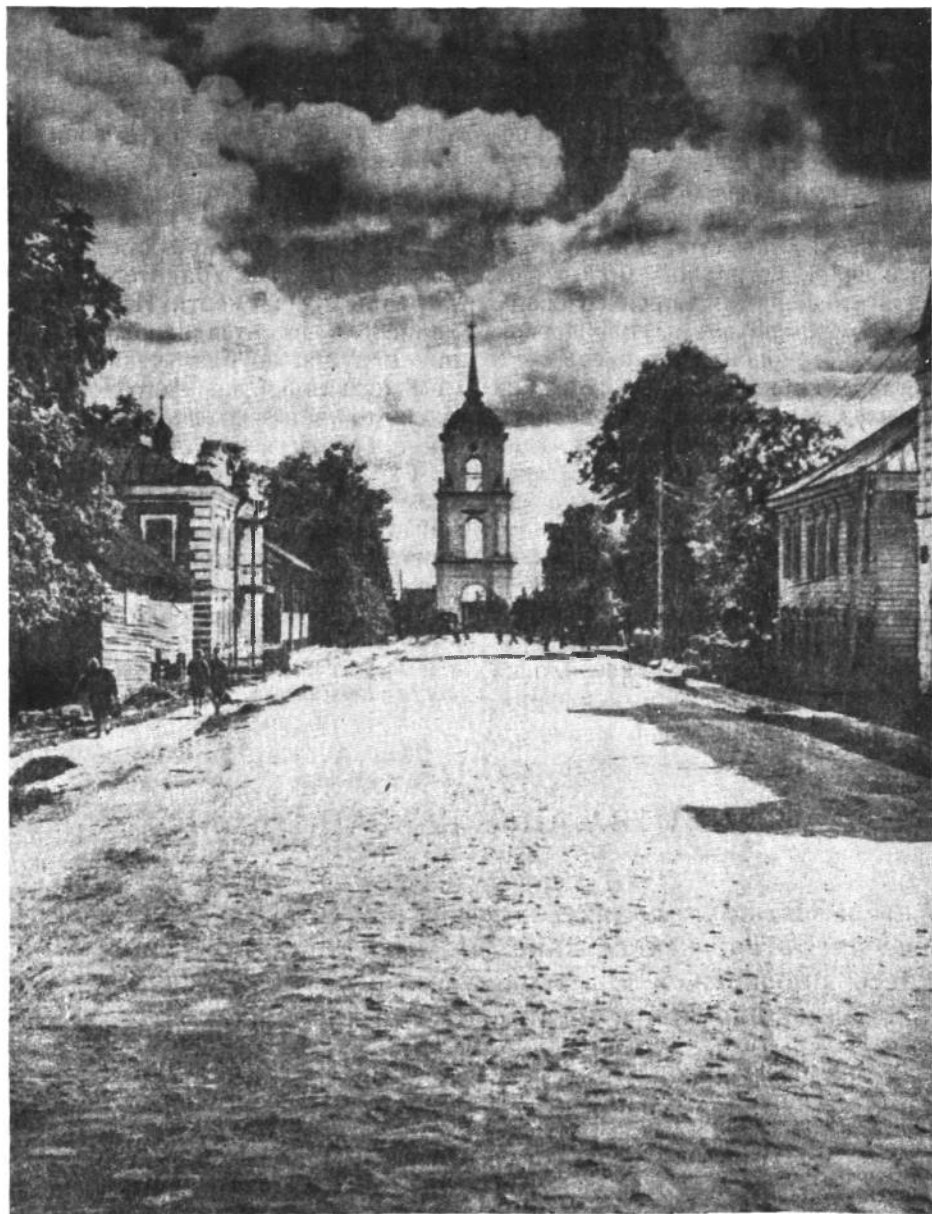
Увидит ли когда-либо каждый из нас своего ангела-хранителя? Увидит в час своей смерти. Ибо ангел-хранитель остается единым спутником души, по разлучении с телом исходящей из сего мира. Здесь-то узнает каждая душа, кто хранил ее. Но это свидание с ангелом-хранителем неодинаково для всех. Для душ добрых оно источник взаимной радости и благодарения, а для душ злых и нераскаянных — источник стыда, печали и вечных угрызений совести.

Публикуется по журналу «Вечное», № 11, 1970 г.

МОЛИТВА АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Ангеле Божий, хранителю мой святой, на соблюдение мне от Бога с небесе данный! Прилежно молю тя, ты мя днесь просвети и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави и на путь спасения направи. Аминь.

Ангел Божий, хранитель мой святой, для охранения мне от Бога с небес данный! Усердно тебя молю, ты меня ныне просвети и от всякого зла сохрани, благому делу научи и на путь спасения направь. Аминь.

Колокольня, построенная в 1767 году, стала символом Каргополя. Горожане считают так: «Колокольня еще стоит — значит живем!»

ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ОЗЕРЕ ЛАЧА

Есть много старинных городов на Русском Севере. Один из древнейших — Каргополь. Я уверен, что, к огромному сожалению, многие из нас вообще о нем не слышали: в лучшем случае — знают, что он находится на юге Архангельской области. Я и сам, признаться, еще недавно, к своему прискорбию, ничего не знал об этом городе. К счастью, судьба свела меня с ним.

Расположился Каргополь на берегу величавой реки Онеги, почти у самого ее истока из озера Лача.

Древняя история города, к сожалению, остается неясной. Основан он, по всей вероятности, новгородцами в XI—XII веках. Нет полной ясности и с названием города (кстати, в этом есть общее и с Вологдой). Существует несколько версий происхождения слова «Каргополь». Первая утверждает, что название было дано на греческий лад, ведь Новгород торговал с греками, и звучало «Каргополис», означающее «корабельная пристань». По другой — в названии видят финно-угорские корни: «коргун-уоли» «медвежья сторона», эти слова могли быть переиначены, опять же на греческий манер, в Каргополь.

Еще одна версия — в материалах переписей XVI—XVII веков: «Каргополе» — «воронье поле» (карго — местное название вороны). С этой версией связано предание о походе белозерского князя Вячеслава на воинственную чудь. Князь-победитель, якобы, основал острог, ставший впоследствии городом на Каргином поле, названном так из-за обилия хищного во-

ронья, кружившегося над погибшими на поле брани воинами.

Интересно, что первым официально датировал, по архивным документам, основание города в 1146 г. Гаврила Романович Державин, будучи губернатором Олонецкой губернии, к которой и относился тогда Каргополь.

И ВСЕ-ТАКИ КРАСИВО!

К огромному сожалению, немного сохранилось древних сооружений в Каргополе. Например, от белых городских укреплений, построенных в XV веке, как говорят архивы, на месте острога, сохранились лишь остатки валов бывшей деревянной крепости Валушки. До сих пор каргопольцы чтят это место как колыбель своего города.

Больше всего напоминают о былом сохранившиеся (к прискорбию, зачастую в плохом виде) церкви и соборы.

Древнейший из сохранившихся — белокаменный собор Рождества Христова, построенный еще во времена Ивана Грозного (1552—1562 гг.) на месте существовавшего деревянного храма. Место для него было выбрано зодчими прекрасное: на берегу раздольной Онеги, на главной площади города, которая так и называлась Соборная, или Торговая (ныне Советская).

Рядом с собором на площади находятся еще две церкви и ставшая уже символом города колокольня, построенная в 1767 году на месте сго-

КАК ЖИВЕТ РОССИЯ

Анатолий ОРЛОВ

ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ОЗЕРЕ ЛАЧА

Обилие древних памятников придает небольшому городку необычный, яркий облик и особое очарование. Это еще в XIX веке дало повод известному русскому писателю-этнографу Севера С. В. Максимову отметить, что «лучше самого губернского города Архангельского края глядит первый в пути олоонецкий город Каргополь».

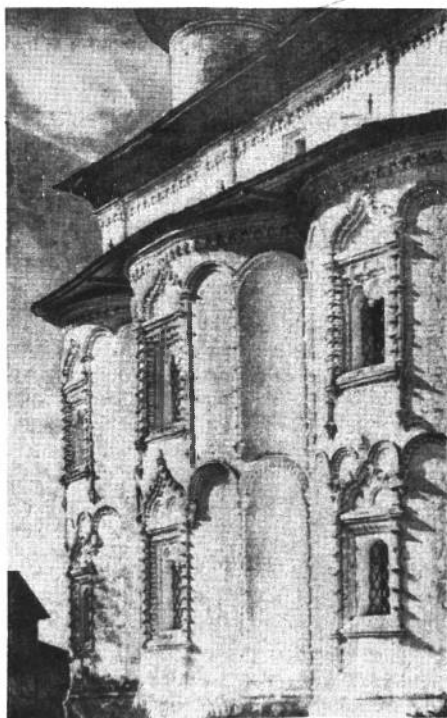
ГОРОД МАСТЕРОВ

Над притихшим вдруг городком поплыли густые сочные звоны. Лет шестьдесят молчала соборная коло-

Собор Рождества Христова построен еще при Иване Грозном

ревшей деревянной. По преданию, на строительство колокольни Екатерина II пожертвовала пять тысяч рублей серебром. Любопытно, что, в отход от обычая, крест на колокольне сориентирован не на восток, а вдоль прямого как стрела Санкт-Петербургского почтового тракта (сейчас улица Ленинградская). Обычай был нарушен в связи с ожидавшимся проездом через Каргополь Екатерины II, но поездка не состоялась. Колокольня имеет трехъярусное строение, а высота ее 61,5 метра. Колокольня для каргопольцев символизирует благополучие города. И иногда от них можно в ответ на вопрос: «Как Каргополь?» — услышать шутливый ответ: «Колокольня еще стоит!».

Здесь сформировался архитектурный стиль, так называемое «Каргопольское узорчье», яркими представителями которого являются Богородице-Рождественская (ныне единственная действующая) и особенно Благовещенская и Воскресенская церкви. Замечательно, что у Благовещенской церкви декор окон не повторяется ни на одном из окон, на каждом свой орнамент.

Восточная стена Благовещенской церкви

Поднимается самый большой колокол...

кольня, и вот теперь, как несколькими годами ранее и над Вологодой, над Каргополом разнеслись сладкозвучные голоса колоколов. Подняты колокола после долгого отсутствия недавно и были отлиты по специальному заказу в Усть-Каменогорске на Урале. Самый большой из них — 650 килограммов, был изготовлен Н. Пятаковым. Поднятие колоколов приурочили к празднику народных мастеров России и поднимали их с помощью лебедки трактора-трелевочника.

На праздник народных мастеров съезжаются гости со всей России.

Уже третий раз проводится он на прекрасной и гостеприимной каргопольской земле и успел уже стать традиционным. В числе его постоянных участников есть и вологодские, череповецкие, великоустюгские мастера.

И вологодские кружева, и финифть, и великоустюгскую чернь и архангельских щепных птиц, и, конечно, знаменитую каргопольскую глиняную игрушку — все эти чудо как красивые вещи можно не только посмот-

реть, но и купить. Если, конечно, кошелек достаточно туго набит...

Впрочем, если ты интересуешься народными ремеслами не просто как покупатель, то кое-что можно получить и бесплатно. Умельцы начинающему всегда помогут — посоветуют, покажут...

ТИХИЙ ОМУТ И РОДНИЧКИ

Со времен появления северной столицы — Петербурга — торговые пути переместились с севера на запад. И Каргополь превратился в тихий городок на окраине России. Жизнь течет довольно размеренно, спокойно...

Но, как гласит русская пословица, в тихом омуте кто только не водится! В Каргополе, например, очень возможно, что водится снежный человек. Вот уже несколько лет то тут, то там встречаются в районе огромного роста существо, поросшее белой шерстью. А местный журналист А. Е. Стуков даже брошюрку об этом существе на-

На празднике мастеров

Бывший городской магистрат, ныне — мэрия

писал — «По следам белого призрака».

Конечно, интересные события здесь происходят и без вмешательства снежного человека. Думаю, появившись этот таинственный призрак на «Дне без звонков», который прошел в средней школе № 2 Каргополя, вряд ли день от этого стал бы интереснее. Может, его и не заметили бы. Или сказали бы — уходи, мол, не мешай... Потому что снежный человек, пусть он даже и существует, не сможет ответить ни на один вопрос игры «Счастливый случай». Или — «Звездный час». Тут не сила — тут голова нужна! А ребятам тот день запомнился. Потому что вместо уроков все ученики целый день играли в различные познавательные игры — вроде тех, которые я упомянул. Многие тогда провели в школе целый день, две смены — только домой перекусить сбегали. И директору школы Л. И. Турандиной нет-нет да и приходится отвечать на вопрос: «А когда у нас снова — без звонков?..»

В июле — августе этого года в Каргополе телерадиокомпания «Поморье» снимала художественный фильм по повести Василия Аксенова «Затоваренная бочкотара». Было любопытно наблюдать искусственные пальмы на

КАК ЖИВЕТ РОССИЯ

Анатолий ОРЛОВ
ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ОЗЕРЕ ЛАЧА

городском пляже на берегу северной реки, а также деревья с окрашенными стволами.

А когда снимался эпизод танцев шестидесятых годов на летней городской танцплощадке, приглашались все желающие. Единственными условиями для участия в съемках были: одежда 60-х годов и умение танцевать твист или шейк.

Самый сложный эпизод фильма снимался на аэродроме. Самолет АН-2 должен был пролететь над летным полем на высоте 50 метров. К сожалению, случилось непредвиденное, и самолет совершил вынужденную посадку за пределами взлетной полосы и не смог затормозить вовремя. Самолет задел крылом деревья и кустарник

Церковь Рождества Богородицы

и столкнулся с автомашиной ЗИЛ-157, с которой велись съемки. К счастью, никто не пострадал. Самолет без нижних крыльев был отбуксирован на стоянку и готовился к отправке на ремонтную базу.

Областная, районная и городская администрации ведут подготовку к празднованию 850-летия Каргополя, которое состоится в августе 1996 года. Планируется провести не только реставрационные работы, но и построить новую гостиницу на 150 мест, поликлинику, детский дом, провести строительство канализации и газопровода, построить новую взлетно-посадочную полосу и автовокзал и еще многое другое.

Верится, однако, что в результате всех этих изменений Каргополь не утратит свои, присущие только ему черты. Что город, несмотря ни на что, сохранит свой исторический облик и внутренний уклад жизни. И этим каргопольцы могут только гордиться. Ведь, невзирая ни на какие внешние воздействия, жизнь в городе бьет чистым родничком, таким же, как то множество родничков, что на протяжении всей городской черты впадают в Онегу, как бы символизируя собой чистоту и красоту всего окружающего.

Анатолий ОРЛОВ.

Берег Онеги

Фотографии автора, А. Лысака, А. Стукова; фоторепродукции В. Решетникова.

Ричард КРАСНОВСКИЙ

МЫ ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ

* * *

В нашем тихом городе
есть живые лошади,
памятник на площади,
переулки тихие...
В нашем чистом городе
в автобус сесть вы сможете,
а вот трамвай увидите
вы только на картинке.
В нашем мирном городе
стройки не особые,
трубы не высокие,
дома в один этаж...
В нашем зимнем городе
окна леденцовые —
припушили сонные снежинки
город наш.

В нашем дивном городе
на домах кокошники,
березки белокосые,
сугробы до ушей...

В нашем тесном городе
знакомы все прохожие,
школьников множество
и много малышей.

ПРО НОВЫЙ ГОД

Зимой до неба снег лежит,
потолще стал наш кот
и даже папа говорит,
что скоро Новый год.
Я Новый год люблю сама,
но лето лучше, чем зима.
В сарае спит велосипед

до самой до весны,
а где-то, где морозов нет,
жирафы и слоны...
У них там в Африке всегда
стоит такая теплота
и не бывает никогда
ни снегу и ни льда.
Не нужно толстое пальто
для южной детворы,
а снегу нет у них зато,
зато на санках ни за что
не съехать им с горы...
Там не видать таких берез,
не взять снежинки в рот,
там не приходит Дед Мороз
на теплый Новый год...
Там птицам хочется домой...
А летом лучше, чем зимой.

У НАС ВО ДВОРЕ

Между свежих снежных гор
тропка от порога.
Вот уселась на забор
верткая сорока.
Там будочка собачья
около поленницы —
собачка не кусачая —
полаять не поленится.
Она у нас охотиться
нисколько не охотница —
немного дом постеречь,
а там живет как хочется.
А вот глядит во все глаза
коза по кличке Ада —
всегда туда идет коза,

куда козе не надо,
идет, куда козе нельзя —
коза вам не овечка —
опять нацелилась коза
на веник у крылечка.

Я — ДЕЖУРНАЯ

Удивились все подруги:
я сегодня — чур не я!
Я сегодня в средней группе
самая дежурная!
Сегодня я не просто я,
а даже очень главная,
сегодня я серьезная,
как Зоя Николаевна!
Мой напарник Толя Занин
парень вовсе не плохой,
только он все время занят
посторонней чепухой:
вот опять двадцать пять —
нужно срочно поливать
садик на окошке —
ничего не хочет знать,
только знает, что играть
на губной гармошке!

ПРО НАШИ ИМЕНА

Друг на дружку не похожи,
если имя не считать,
три Андрея, два Сережи
и Светланы — целых пять.
Непохожи наши Саши —
слишком разные носы.
Есть с косичками Наташи,
есть Наташа без косы.
Уж оно такое слово
эти наши имена,
а посмотришь: каждый Вова —
даже разная спина.
Мы пока что просто дети,
рассуждать еще малы.
Все столы на белом свете
называются столы!

МЫ ГУЛЯЕМ

Тели-тели, нет метели,
солнце за горою ли! —
нас обули, нас одели,
парами построили.
Одни пустые вешалки.
Откройте дверь пошире!
Навстречу бабы снежные
метелки растопырили.
На протоптанном пути
лестница из планок:
хоть на санках кати,
хоть катись без санок!
Зоя Николаевна
не смотрит? — Ну и пусть —
я сейчас нечаянно
без санок прокатнусь...
С головы до самых ног
снег на мне пушистый.
Эй, снежок! Стой, снежок!
Ты зачем за шиворот?
В дом по снегу хрупаю
валенками тяжкими,
вся спина под шубою
поползла мурашками.

МЫ ОБЕДАЕМ

Как завидит тетю Пашу,
так и знает весь народ,
что несут супы и кашу,
хлеб, котлеты и компот.
Я — дежурная — при этом,
мытым пальчиком грозя,
говорю, что за обедом
разговаривать нельзя!
Но спросила очень строго
вдруг Наташа без косы:
— Правда, Вова сделал плохо,
сделав манные усы?
Очумевший от забот,
таракан упал в компот.
Извлекаем за усы
мы такие цитрусы.

ТИХИЙ ЧАС

Тихим часом не до сна —
Никому не спится.
Зоя Николаевна
сидит, мелькают спицы.
Носки для дочки Тани.
Ей, говорят мальчишки,
дается воспитание
без всякой передышки...
Снег кружится за окном
бережно и плавно...
Вот зевнула перед сном
Зоя Николавна...
Тихий час, тихий час
совершенно не для нас:
— Не валите друг на дружку!
Кто метнул в меня подушку?

ЧТО НАМ ЧИТАЛИ

А нам читали два стишка
из книжки дяди Маршака
про кошку и котят —
потерщиков перчаток,
про удивительный пирог
и сказку «Терем-теремок».
Лягушка там толкла зерно,
пекла пирог капустный...
Сначала было нам смешно,
а после стало грустно.
Когда собрались у ворот
большие злые звери,
тут Вова вдруг как заревел,
а мы не заревели.
Зато, когда застрял медведь,
и мне хотелось зареветь.

МЫ РИСУЕМ

Все Андрюшки и Наташки
получили по бумажке,
дали нам карандаши —
порисуем от души!
Вышла дева красноброва,

ПРОЧТИТЕ ДЕТЯМ

Ричард КРАСНОВСКИЙ
МЫ ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ

рядом красная корова
возле красного быка
и краснеют облака...
У Наташки, той, что рядом,
в синем царстве тридевятом
синий дядя в пол-листа
держит синего kota...
А у Вадика с Аленой
в зоопарке слон зеленый,
дом зеленый — два окна —
и зеленая луна...
А напротив, у Андрюшки,
словно желтые подушки,
две лягушки и желты
печка, солнце и кусты...
Тут чам Зоя Николавна
так сказала: — Было б славно,
если б вежливый сосед
дал соседу нужный цвет!
Вот бы зажили мы дружно —
все раскрасили как нужно!

МЫ ИДЕМ ДОМОЙ

Когда стемнеет, в детский сад
за мной приходит старший брат
всегда без опоздания,
он так кричит мне от дверей:
— А ну, домой идем скорей,
скажи всем до свидания!
Как будто б этого всего
сама не знаю без него...
Он говорит мне по пути
всегда одно и то же:
— Почаще под ноги гляди
и не мешай прохожим!
Вдруг спросит: — Где же носовой
платок твой, между прочим?
Когда приходим мы домой,
он старший, но не очень,
а вот на улице когда,
такой он старший, что беда!

ПРО СЕРОГО ВОЛКА

Занавеска на окне,
все благополучно —
почему-то очень мне
делается скучно:
долго не кончается
снежная зима —
песня получается
в голове сама...
«Будет солнце в вышине,
на ромашке бабочка,
будет красная на мне
вязаная шапочка...
Серый волк из темных мест
выскочит без толку —
если волк меня съест —
худо будет волку:
дети вам не финики —
через пять минут
к нашей поликлинике
волка отвезут.
Соберется вокруг
докторов множество,
как возьмут они вдруг

острые ножницы...
Доигрался, серый плут?
Ладно. Пусть тебя зашьют!»

СКУЧНАЯ ПРОГРАММА

На диване кот сидит,
в телевизор глядя, —
долго-долго говорит
умный-умный дядя:
то про это, то про то
тянет по бумажке,
не покажет ни за что
ни одной мультяшки...
Как выращивать морковь
нужно в огороде...
Спели песню про любовь
дядя и две тети...
Мол, не надо пить вина,
если дома драма...
Все одно — у нас одна
скучная программа.
Мне сказали: — Спать иди!
Ну, программа, погоди!

На прогулке

Фотозтюд Сергея Жигайлова

А ПАПА НЕ СПИТ

Тихо в доме. Вот и ночь настала.

Осторожно радио поет.

В темноте ко мне на одеяло
осторожно вспрыгнул тихий кот.

Из-под двери осторожно на пол
желтый лучик выбился едва...

Сонно мне, лишь в комнате у папы
осторожно шелкают дрова.

По стене проедутся порою
светлые квадраты от окна...

Может быть, когда глаза закрою,
в сказку открывается стена?

Дед Мороз выходит из-под шкапа
так, что половица не скрипит...

Сонно мне и хорошо, что папа
за стеной немножечко не спит.

Фотограмма Алексея Зверева

МОРЕ, РЕКА МОЛОКА!

Что такое *глібки*? Не знаете?
А *глізкі*? *Грўдкі*? *Гўцца*?

Так в разных местах Вологодской области называют творог. То же самое обозначают и другие слова: *коко́рки*, *коко́шина*, *кромки*, *кўчки*, *отогрёванное молоко*, *сыр*, *чечу́льки*... Уже зафиксировано около тридцати таких местных наименований. Но ведь, может быть, и это еще не все!

В говорах Вологодской области наименований видов молока и молочных продуктов несравненно больше, чем в говорах других регионов. Важно сейчас, пока они еще не исчезли из памяти, сохранить их, записать.

Вот, к примеру, что рассказала диалектологам — студентам Вологодского пединститута — одна пожилая женщина о старом названии творога: «*Кокóшиной* творог звали свекровушка да свекор. Я первый раз приехала в Устюжну, сели ести, она говорит: «Обождите немножко, я вам принесу *коко́шины*». А я нико́льская, мужа-то спрашиваю: «Вася, чего она принесет?» Он говорит: «А творогу». А у нас звали гушина. А уж свекровушка умерла двадцать лет назад. Теперешние-то учителя приезжие, дак ничего вам не скажут».

В народной речи многочисленны и названия сливок — *верхі*, *вершок*, *жиркі*, *сли́вок*, *снїмок*, *устóбек*, *устóй*, *устóйка* и др.

Простоквашу называют по преимуществу *простокішей*, но кроме того — *молоды́м молоком*. Оказывается, в древности слово молодой имело значение «свежий, нежный, приятный». А что может быть приятнее прохладной простокваши в жаркий день!

«*Кісло молоко дак кіслым и звáли*, — рассказали мне в одной деревне, — а ссéдетсе — так *молодоё молоко*. Любили ёго. Иной раз сметанки приболтаешь, ой, как к душе прильнет! *Молодоё молоко* в печь посадишь — это *кромки*. *Кромки зажаристы*, хорошо *кромки* пили».

Особый интерес представляют разнообразные трудовые пожелания, бытующие в говорах. Так, женщину, которая доит корову, окликали: *Море под корову!* Или: *Море под коровой!*, *Море под кормилицей!*, *Море под маткой!*, *Море под Марью!* (даже если доит Анна), *Река молока!* *Ведро молока!* *Молоко мёдом!* *Морем доить!*, *Чище выдоить!* *Дай Бог на полный подойник!*, *К удобью!* и др.

На эти пожелания давались ответы:

1) — Море под коровой!

— Река молока! (Шекснинский район).

2) Море под коровой?

— Река молока! (Спасибо!) (Шекснинский район).

3) — Молочная река!
— Кисельные берега! (Тотемский район).

Отметим, что в этом наборе языковых формул используются исключительно благопожелания. Сравнение вологодских материалов с данными Ярославского областного словаря убеждает в том, что основные мотивы пожеланий — количество молока (ведро, дойник, колодец, родник, ручей, река, море) и удобство действия.

Возможно, подобные пожелания восходят к приговорам, заклинаниям, которые было необходимо произносить перед началом какого-либо важного дела. Так, когда корову начинали доить в первый раз, произносились ритуальные слова: *Стой горой, дой рекой!* (Сямженский район), звучало пожелание здоровья корове и обилия молока. В Шекснинском районе поясняют: «Сядишься первый раз под корову, так говорили: *Под коровой море, река молока!*»

Некоторые хозяйки вспоминают, что этот вид работы — дое-

ние — старались делать недоступным для чужого глаза. Поэтому в отдельных местах такие пожелания знают, но отмечают, что звучат они редко: «Стоит корова дак хозяйка закрывается. Иначе она не отдаст молока. Надо тишина» (Кирилловский район).

Другие, наоборот, горделиво подчеркивают свое знание этикетного поведения в этой ситуации: «*Море под коровой!* все время говорят, ешшо не брошено. Старый-то народ говорит, все-таки мы ешшо держимся, а молодой — нет». (Кирилловский район).

Впрочем, я уверена: если говорит старый народ, то — пробьет час! — заговорит и молодой люд. Традиции вежливого, этикетного обращения восторжествуют.

Людмила ЗОРИНА.

ВЫ ТАКОЙ ГДЕ-НИБУДЬ ВИДЕЛИ?

Стоит этот дом в деревне Халезово, и живет в нем Антонина Дмитриевна Кокова.

Рассказывают, что двухэтажный дом Коковых строил отец Антонины — Дмитрий Федорович — для четырех своих дочерей, чтобы каждой по комнате. Навозил на лошадке лесу. При-

вел плотников. Стали они корить деревья, а тут пришел Коков и предложил: «Давайте, мужики, покурим?» Один из плотников сразу топор в дерево. Хозяин посмотрел да и сказал: «Уходите. Не нужны. Я деревья рубил, возил, а вы портить будете?» И нанял другую артель.

— Вот как люди для себя строили! — говорил местный старожил И. А. Башилов.

Привлекало внимание и само название деревни — Халезово. Согласитесь, очень редкое. Позднее я прочитал: «Халезово, деревня Вотчинского сельсовета Вологодского района. Название восходит к имени-прозвищу первоселенца или владельца Халез. В севернорусских говорах сохранился глагол халезить в значении бранить, смеяться над кем-либо. По-видимому, халез — «насмешник» — местное имя-прозвище» (Ю. И. Чайкина. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988, с. 235).

Издали дом не произвел особого впечатления, но едва подошли, как он приковал к себе внимание. Двухэтажный, деревянный, с небольшим мезонином, обшит тесом, покрыт дранкой. Сложен в лапу, углы забраны досками, имитируют собой четыре колонны: две по краям и две посередине, в полуметре друг от друга, да к тому же украшены на-

кладными, резными до-
сочками.

Весь дом какой-то
ладный, так и хочется
сказать, как о живом —
пропорционально сло-
женный...

У крыльца встретила
хозяйка: невысокая
старушка с умными,
внимательными и чуть
настороженными гла-
зами.

Рассказывала — и
видно было, что гордит-
ся домом: это, мол,
наше, родовое.

— У прадеда Петра
Андреевича дом был
одноэтажный. Дед Фе-
дор Петрович пере-
строил его во второй
половине XIX века, а
отец Дмитрий Федоро-
вич его разукрасил, да
так, что не каждый и
художник-то сможет.
Раньше все говорили:
«У Коковых лучший
дом в Вотче!» А знаете,
как дом-то сделан? Две
двухэтажные избы под
одной крышей! Вы та-
кой дом где-нибудь ви-
дели?

Антонина Дмитриев-
на продолжала:

— Родилась я в Во-
логде, а здесь жили
дед да баба Дуня, тетка
еще была мастерица-
ткачиха, на удивление
тонкие делала холсты.
В ту еще войну дед на-
писал, что ему не спра-
виться с хозяйством, и
мы 4 июля 1915 года
переселились из города
в деревню. Дед был ха-
рактером крутой, а ру-
ки имел «золотые», печ-
ник, все мог сделать

сам. Вон, вилы сенные,
посмотрите.

Сделаны они из мо-
лодого окоренного де-
ревца, сверкают, как
будто покрыты лаком,
крепкие и легкие. Ни
железа, ни гвоздя.

— Память у деда,—
Антонина Дмитриевна
бережно убирает вилы
на место.— У нас отец
верховодил. Слово от-
ца — закон. Даже
взрослыми стали —
слушались.

В этом гостеприим-
ном доме мы пробыли
более трех часов.

— Это теплая ком-
ната, комната нашего
детства: единственная,
которая была оклеена.

В комнате старинный
раздвижной стол, с
ножками-балясинями.
Над ним фотографии
родителей: Дмитрия Фе-
доровича, и Лидии
Александровны. Ря-
дом — старинная кова-
ная железная кровать
начала века, нижняя
часть резного шкафа,
где хранилась празд-
ничная посуда. Верх-
няя не сохранилась...

Следующая комна-
та — настоящий музей
деревенского быта: де-
ревянные жернова, кро-
сна (ткацкий станок),
деревянная кровать с
резными стенками, ста-
ринная гладильная дос-
ка, легкое резное крес-
ло.

На второй этаж ведет
лестница, перила — ба-
ляшником: это тоже ра-
бота деда. Там две ком-
наты, мезонин...

Антонина Дмитриев-
на рассказывает:

— Раньше здесь кач-
ель висела, отец сам
сиденье выточил, у до-
ма еще одни качели
сделал — для всей де-
ревни. Отец вообще
много нам всего делал;
корезка, например, как
креслице вышла...

Отец постоянно вы-
думывал что-то, изоб-
ретал. Так и говорили:
«Митя Коков—чудак!».
У нас в хозяйстве
был каток для прика-
тывания почвы, заня-
той яровыми. Такой во
всей Вотче был один!
Мы, например, очень
мало жали серпами,
отец косил косой, к ко-
торой были приделаны
грабли: махнешь — и
скошенная пшеница не
падает кой-куда, а ло-
жится в рядок. Вязать
снопы он выводил всех
нас и посторонних при-
глашал. Нас вообще
приучали делать все
своими руками. У отца
и матери нас было де-
вять, а в живых оста-
лось пять — и все дев-
чонки. Вот отец и гово-
рит: «Доживем до вес-
ны, буду вас пахать
учить». Мать — реветь,
ругаться. Другие-то
девчонки на гулянке, а
нас на посиделки не
отпускал. Считал: раз-
решить гулять, как
все — значит, отка-
заться от учебы, а ведь
последнюю корову про-
дал на наше образова-
ние...

Александр МУХИН.

Огден НЭШ

«ТРИ С»

Перевод с английского Алексея КУДРЯШОВА и Петра МУХИНА.

Огден Нэш (1902—1971) — популярный американский поэт. Писал юмористические стихотворения и стихи для детей. Пик его творчества пришелся на тридцатые годы, и созданное им в ту пору составило несколько сборников. Взрослых читателей в его произведениях привлекала бесшабашная веселость и взбалмошная легкость строф, детей — простота и доходчивость, ибо с занудной назидательностью поэту было не по пути.

В том же духе выдержана и одна из немногих прозаических вещей — рассказ «Три С»: такая детская «страшилка».

Виктория из Женской Семинарии миссис Маллисон была привлекательной девочкой... настолько привлекательной, что даже жаль, что она никогда не вырастет в женщину. Весьма возможно, она и стала бы женщиной, открой миссис Маллисон свою семинарию немного ближе к Ньюбарипорту... или по крайней мере немного дальше от Салема.

Виктория попевала в играх, но не так удачно попевала на уроках; ее достаточно большой рот успокаивал дурнушек, а за блеск глаз ее признали в среде красоток; она могла проплакать над смертью лошади из книжонки и остаться невозмутимой, скончайся в больнице тетушка; она питалась между обедами, ужинами и завтраками; писала родителям раз в неделю, если возникала в чем-нибудь нужда; и поистине намеревалась поступать правильно, да только неправильно чаще было куда как намного легче.

Короче, Виктория идеально подходила для «Трех С», ночного женского клуба, который, подобно кактусу цереусу, расцветал с наступлением темноты вот уже много лет, не разнюханный тонким чутьем миссис Маллисон.

И «Три С», и Виктория чувствовали, что им пора воссоединиться, но в самом названии клуба крылось препятствие, о котором знали его члены: никто не получал доступа в клуб, не совершив поступка Смелого, Смертельного и Слу-

чившегося впервые. Виктория понимала в смелых поступках, не превосходящих смертельные, но никогда ранее не случавшиеся... где их отыскать?

Что же касается подлинных членов клуба, то Аманда в одежде прыгнула в холодную воду, Миранда влезла на крышу в ночной сорочке и опустила привязанную змею в дымовую трубу миссис Маллисон, Амалия съела с завязанными глазами остывшие спагетти, думая, что это черви, а Корделия съела с завязанными глазами червей, полагая, что это остывшие спагетти. Что осталось Виктории?

Именно Аманда, которая на заседании Комитета по управлению вытирала помадку с пальцев изнанкой платья, и произнесла имя Элизы Кэтсopf.

— А кто она такая? — спросила Миранда, поливая медом кусок торта с какао и орехами.

— Ведьма, — ответила Аманда.

— Ее сожгли, — вставила Амалия.

— Повесили, — добавила Корделия.

— Ее нельзя было хоронить на кладбище, поэтому ее зарыли на лужайке позади старой бойни, — пояснила Аманда.

— Надгробный камень все еще там, — сказала Амалия. — Какая досада, торта больше нет! Ничего, буду есть карамель.

— На нем осталась надпись, — произнесла Корделия, которая не была голодна, — но ее невозможно прочесть днем, только при лунном свете.

— Я уже позабыла, как хорош смородиновый пудинг, — заявила Аманда. — «Три С» должны рассказать Виктории об Элизе Кэтсopf.

Следующим поздним вечером Виктория взялась за перо. «Дорогие Папа и Мама, — написала она, — я надеюсь, что у вас все в порядке. Я успеваю по алгебре, но мисс Хэтти несправедлива ко мне из-за французских глаголов. Я успеваю по грамматике, но мисс Мэтти предпочитает не замечать этого. Дорогой Папа, папы всех других девочек посылают им по доллару в неделю. Я хотела бы еще кое-что написать, но уже звонят на ужин. Ваша любящая дочь Виктория».

Виктория знала, что через десять минут мисс Хэтти Маллисон приоткроет дверь, присмотрится к кровати, прошепчет: «Спокойной ночи, Виктория, приятных сновидений» и исчезнет. За семь минут Виктория соорудила из швабры, ночной сорочки, подушек и одеял куклу — подобие спящего человека. Когда она спустилась на землю, то услышала, как отворилась дверь, услышала шепот миссис Хэтти, услышала, как дверь закрылась.

Высокая луна сопровождала Викторию всю дорогу, пока она шла, скакала, пригарцовывала по направлению к заброшенной бойне. Компанию ей составляли лунные блики и длинная тень... тень такой Виктории, которую никакая мисс Маллисон не поймала бы в клетку. «Ни у одной девчонки нет столь высокого,

живее некуда спутника, как моя тень»,— думала Виктория и дышала глубже и разводила руки, и тень дышала вместе с ней и разводила скрюченными руками по стенам и через крышу бойни.

Чем дальше пробивалась через заросли колючек на лужайке, где не паслась скотина, Виктория, тем ярче светила луна, тем больше удлинялась тень.

И когда колючки сомкнулись почти вплотную и верность «Трем С» почти иссякла, она наткнулась на могильный камень. Лишь только Виктория склонилась к неровной плите, свет луны стал зыбким. Дыхание сбилось, и Виктория опустилась на одно колено. Она храбро припомнила, зачем пришла сюда, когда камень под ногой зашевелился и качнулся, а земля затряслась: в эту полночь при лунном свете она явилась, чтобы доказать, что может быть достойной подругой Аманде и Миранде, Амалии и Корделии. Она заставила себя упрямо прочесть строки, которые высветились под лунными бликами на камне, сильно потемневшем от дождей и мха.

*Здесь покоится
ЭЛИЗА КЭТСПОФ*

*Кто коснется этого камня
на залитой лунным светом лужайке,
проживет не дольше, чем его тень.*

Надпись выучена наизусть, и теперь посвящению в «Три С» Виктория подвергнута. «Как мило, всего-то и нужно сделать?» — подумала Виктория и направилась обратно в семинарию.

Естественно, она спешила, поэтому, естественно, могла и не заметить пышной тени, что должна была сопровождать ее домой. А луна ярко светила позади Виктории... и кто объяснит, как она забыла о тени, которая обязана была вести ее всю дорогу.

Но тени не было... ее тень уменьшилась, когда она бежала, словно сама Виктория укоротилась, или это луна стала отдаленнее. Не видя собственной тени, она не видела и не слышала ничего шелестящего и удирающего от нее и впереди нее.

«Надеюсь, моя дорогая куколка все еще в постели,— думала Виктория, влезая через окно.— Надеюсь, мисс Хэтти не собиралась потревожить меня».

На цыпочках она пересекла в темноте комнату по направлению к кровати и нагнулась, чтобы убрать куклу. Но стояло ей потянуться вниз, как кукла, которая уже не была куклой, протянула вверх свои пыльные пальцы первой...

1948 г.

Роберт БЛОХ

ВЕСЕЛЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Перевод с английского Алексея КУДРЯШОВА
и Петра МУХИНА

Американец Роберт Блох (род. в 1917 г.) щедро экспериментирует, пробуя себя то в жанре детектива, то научной фантазии, то в ужасе. Между всеми его произведениями есть нечто общее — главные герои, как правило, либо становятся жрецами смерти, либо попадают в коварные пути безумия.

Роберт Блох неизменно плодовит: им написано около 400 рассказов и 20 романов. Самым известным произведением, пожалуй, является роман «Психопат» (1959 г.), виртуозно экранизированный знаменитым режиссером Альфредом Хичкоком и идущий у нас под названием «Психо».

Коулин не сразу заметил, что глиняные фигурки, которые он лепит, стали двигаться. А ведь он лепил их много лет, переводя потихоньку сотни фунтов глины.

Доктора считали его чокнутым, доктор Старр в частности; но в таком случае доктор Старр сам был шарлатаном и глупцом. Он понять не мог, почему Коулин не занимается в мастерской, как другие, — не плетет корзины или стулья из тростника. «Трудотерапия» — пользительна, это вам не иднотское год за годом сидение и вылепливание глиняных фигурок. Доктор Старр постоянно талдычил это, и иногда Коулину страстно хотелось врезать ему в самодовольную, жирную физиономию. Тоже мне «доктор» называется!

Коулин знал, что делал. Когда-то и он был доктором: доктором Эдгаром Коулином, хирургом — причем нейрохирургом. Прославленное имя, авторитет; молокосос Старр в те времена был вечно ошибающимся, нервным интерном. Ирония судьбы! Теперь Коулин заперт в психушку, а доктор Старр превратился в его цербера. Жестокая шутка. Но хотя Коулин и считался двинутым, он больше понимал в психиатрии, чем вызубривший ее Старр.

Вместе с «Красным Крестом» Коулин попал на базу в Иприсе; выбрался он оттуда на удивление целеньким, но с расстроенными нервами. Много месяцев после финальной ослепляющей перестрелки он провалился в состоянии комы в гос-

питале, а когда пришел в себя, ему сообщили, что у него dementia praecox. И отправили сюда, к Старру.

Коулин, как только оклемался, потребовал глину. Он жаждал работы. Длинные худые руки, так умело проделывавшие нейрохирургические операции, не утратили своей ловкости. Коулин знал, что никогда больше не будет оперировать; отныне он уже не доктор, а психический больной. Но страсть к работе не уходила. Мозг подвергался попытке самокопания, если Коулин не отвлекал себя каким-нибудь занятием. Лепка стала для него спасением.

Он был хирургом, и поэтому частенько изготавливал скопированные с живых образцов бюсты, анатомические фигуры, которые помогали ему в его деятельности. Это увлечение целиком поглощало его, он знал в тонкостях все органы и даже сложное строение нервной системы. Теперь Коулин работал с глиной. В своей комнатке он начал лепить обыкновенные, ничем не замечательные фигурки. Крошечных человечков пяти-шести дюймов высотой, образы ему подсказывала память. Он быстро приоровился лепить; у него был природный талант, подтверждавшийся умелостью его пальцев.

Поначалу Старр поощрял его. Кома прошла, оцепенение покинуло тело, новое увлечение оживило Коулина. Первым глиняным фигуркам доставалось много внимания и похвал. Родные послали денег; он накопил инструментов для лепки. Вскоре стол в его комнатке был весь завален ими. Приятно было снова держать инструменты в руках — правда, не ножи и скальпели, но вещицы не менее удивительные, вещицы, которые резали, кромсали, изменяли тела. Тела из глины, тела из плоти — какое это имеет значение?

Сначала оно и не имело значения, но потом... После нескольких месяцев кропотливой работы Коулин понял, что все, им сделанное, никуда не годится. Он трудился по восемь, десять, двенадцать часов кряду, но не успокаивался — отшвыривал законченные фигурки, сминал их в коричневые шары, которые с отвращением шлепал об пол.

Работа не приносила ему удовлетворения.

Мужчины и женщины были точной копией настоящих мужчин и женщин, только в миниатюре. Такие же мышцы, сухожилия, присущие различным типам черты лица; даже слой эпидермы и крошечные волосики прилаживал Коулин к их малюсеньким телам. Но что хорошего было в этом? Всего лишь обман, подделка. А с другой стороны, они были целиком из глины, ничего больше — и это неправильно. Коулин хотел сделать настоящих миниатюрных людей, а для этого нужно постараться.

Первая стычка с доктором Старром произошла, когда Коулин попросил книги по анатомии. Старр посмеялся над ним, но разрешение дал.

По этим книгам Коулин научился точно воспроизводить скелет человека, его органы, запутанную систему артерий и вен. И наконец, успешно завершил изучение желез, нервной системы и нервных окончаний. На это ушли годы, в течение которых Коулин вылепил и уничтожил с тысячу глиняных фигурок. Он лепил глиняные скелеты и прилаживал к ним глиняные органы. Кропотливая, точная работа. Сумасшедшая работа; но он забывался в ней. Он достиг такого совершенства, что мог с закрытыми глазами создать точную копию. И вот, придя к вершине познаний, он слепил несколько глиняных скелетов, приладил к ним органы, затем, учитывая особенности, добавил нервную систему, кровеносные сосуды, железы, сплетения мускулов — все.

В заключение он занялся изготовлением мозгов. Изучил каждую извилинку полушарий головного мозга и мозжечка; каждое нервное окончание, каждый закоулок в сером веществе. Вникать, вникать, не обращая внимания на смешки, назойливые мысли, монотонность нескончаемых лет неволи; вникать, вникать,

непрестанно лепя фигурки, стать величайшим скульптором мира, стать величайшим хирургом мира, стать творцом.

Доктор Старр часто навевался к нему и попытался в конце концов даже поощрить такое фанатичное времяпрепровождение. А Коулину хотелось расхохотаться ему в лицо. Старр беспокоился, что это занятие увлечет Коулина в еще более непроходимые дебри сумасшествия, чем сейчас. Но Коулин знал, что только лепка фигурок удерживает его от полного помешательства.

Прекратив с недавних пор работу, Коулин ощутил, что с ним творится что-то неладное. Казалось, выстрелы снова стали раздаваться в его голове — и мозг точно убежал куда-то, распутываясь, словно клубок ниток. Коулин весь расклеился. Временами ему чудилось, что он не одна, а тысячи личностей, не одно тело, а тысячи отдельных, расчлененных органов, как в глиняных человечках. Он был уже не сложным человеческим существом, а сердцем, легким, печенью, кровью, рукой, ногой, головой — все разрозненно, все с течением времени разъединяется больше и больше. Мозг и тело перестали быть одним целым. Все внутри распалось, живя своей собственной жизнью. Нервы и кровообращение не влияли друг на друга. Движения рук и ног не согласовывались друг с другом. Медицинский опыт, который он призвал на помощь, намекал, что каждый орган ведет индивидуальный образ жизни.

Каждая клетка — отдельное государство. Когда приходит смерть, человек не умирает сразу весь. Некоторые органы умирают раньше, некоторые клетки угасают первыми. Но такого не может быть, когда человек жив. Пока жив. Это странное шоковое состояние, каково бы оно ни было по своей природе, в конце концов, однако, и привело к разгадке. Но ночам Коулин метался в постели, поражаясь, как быстро распадается его тело, в самом деле распадается: сводит судорогой руки, колотится в груди сердце, хрипят легкие — и все раздельно, подобно осколкам разбитой глиняной куклы.

Он продолжал работать, чтобы окончательно не сойти с ума. Раза два пытался объяснить доктору Старру, что с ним происходит, пытался упрощить, чтобы за ним специально наблюдали — не ради него самого, а ради науки, которая извлечет пользу из этого случая. Старр, как всегда, посмеялся над ним. Пока Коулин здоров и в организме его не обнаруживается никаких патологических изменений, он просто физически не может рассыпаться на части. Ну что за глупец!

Коулин работал. Теперь он лепил тела — настоящие тела. Бедна дней уходила на одно тело, долгих дней, чтобы полностью закончить фигурку — скорректировать слуховую и зрительную систему, подправить линию губ, крошечные пальчики и ноготки на ногах, словно выросшие. Он был терпелив. Взор пленялся видом стола, заставленного мужчинами и женщинами.

Но доктор Старр был другого мнения. Однажды днем он застал Коулина корпящим над тремя маленькими комочками глины; рядом лежала раскрытая книга.

— Чем занимаетесь? — спросил Старр.

— Делаю мозги для моих человечков, — ответил Коулин.

— Мозги? Боже Всемогущий!

Старр обомлел. Да, это были *мозги!* Крошечные, безупречно воспроизведенные человеческие мозги, совершенные в каждой детальке, созданные клетка за клеткой, с пока еще не соединенными нервными окончаниями и кровеносными сосудами; мозги, пока еще не вложенные в черепа.

— Какого... — начал было Старр.

— Не мешайте. Я вкладываю мысли, — сказал Коулин.

Мысли? Полное сумасшествие, даже не сумасшествие, а что-то непостижимое. Старр в ужасе вытаращил глаза. Мысли в мозгах глиняных человечков?

Он хотел было раскрыть рот, но тут Коулин поднял глаза, и Старр увидел его зрачки, освещенные полуденным солнцем. И тогда Старр тихонько ретировался под этим взором, подобным *божественному*.

На следующее утро Коулин заметил, что фигурки стали двигаться.

* * *

— Я Франкенштейн, — пробормотал Коулин. — Я — Франкенштейн. — Его голос опустился до шепота. — Я не похож на Франкенштейна. Я похож на Бога. Да, именно на Бога.

Он опустился на колени перед столом. Двое маленьких мужчин и две женщины важно откланялись ему. Он разглядел отпечатки пальцев на их головах, отпечатки его пальцев, там, где он разравнивал швы на черепах после того, как вложил туда мозги. И все-таки они ожили!

— А почему бы и нет? Кто хоть что-нибудь понимает в творении, в жизни? С точки зрения психологии, человеческое тело — это просто механизм, приспособленный, чтобы реагировать на внешние раздражения. И почему бы тогда не ожить безупречной копии этого механизма? Ведь вдохнуть жизнь — это все равно что подключить электричество. Да, именно так. Если вложить мысль в совершенное создание, то оно оживет.

Коулин нашептывал это себе, а глиняные фигурки, подняв глаза, кивали ему в жутком согласии.

— С другой стороны, во мне самом все останавливается. Я теряю себя. И весьма вероятно, что часть моей жизненной субстанции переместилась, передалась этим новым телам. Мое... мое заблуждение... оно могло стать следствием этого. У меня есть возможность выяснить.

Да, у него была эта возможность. Если фигурки ожили благодаря Коулину, тогда он мог руководить их действиями так же, как он руководил действиями своего собственного тела. Он сотворил их, передал им часть себя. Они были *им*.

Коулин затаился в запертой комнатке, размышляя, сосредотачиваясь. А фигурки двигались. Двое мужчин подошли к двум женщинам, взяли их ладони в свои и станцевали степенный менуэт — нелепый танец маленьких глиняных кукол, страшная насмешка жизни.

Коулин закрыл глаза, откинулся, трепеща, на спину. Да, все это было вразравду!

Он покрывался потом от напряжения. Тяжело дышал, силы покидали его. В теле чувствовалась слабость, опустошенность. Еще бы! Ведь он управляет одновременно четырьмя разумами, совершает движения четырьмя телами. Слишком большая нагрузка. Но зато *они ожили*.

— Я — Бог, — пробормотал он. — Бог.

Но что проку от этого? Он сумасшедший, посаженный в психушку. Как ему воспользоваться своей мощью?

— Перво-наперво надо поэкспериментировать, — вслух сказал он.

— Что?

Доктор Старр вошел незамеченным. Коулин поспешно оглянулся на стол и с облегчением обнаружил, что веселые человечки неподвижны.

— Я только что решил, что должен поэкспериментировать со своими глиняными фигурками, — торопливо сказал он.

Брови доктора приподнялись.

— Неужели? Вы ведь хорошо знаете, Коулин, что я думаю по этому поводу. Мне кажется, ваше увлечение дурно влияет на вас. Вы выглядите осунувшимся,

усталым. И я склоняюсь к мысли, что вы сами доводите себя до изнеможения. Боюсь, скоро я вынужден буду запретить вам лепить фигурки.

— Запретить?

Доктор Старр кивнул.

— Но вы не можете... ведь я... я хочу сказать, не имеете права! Это все, что у меня есть, все, что удерживает меня в этой жизни. Без этих фигурок я...

— Извините.

— Вы не можете...

— Я здесь доктор, Коулин. Завтра же мы выбросим всю глину отсюда. А вам я даю шанс подыскать себе другое занятие, чтобы продолжить жить...

В такую ярость Коулин еще никогда не приходил. Доктор был ошарашен, когда пальцы сумасшедшего вцепились ему в горло, пытаясь ловкими движениями хирурга разодрать плоть и найти сонную артерию. Старр с грохотом отскочил назад и стал отбиваться, пока встревоженные шумом санитары не прибежали и не растащили их. Больного швырнули на кровать, и Старр покинул комнату.

Уже стемнело, когда Коулин пришел в себя от ненависти. Теперь он остался один. Пропали фигурки — пропала жизнь. Завтра все будет по-другому, завтра не будет фигурок, боготворимых им фигурок. *Живых* фигурок! Неужели их уничтожат, неужели уничтожат *жизнь*? Но ведь это убийство!

Коулин горько рыдал над своими мечтами. Как намеревался использовать он свою мощь... с какой целью тратить ее, не имеющую границ? Он налепил бы десятки, сотни фигурок, выучился бы мысленно концентрироваться, пока не сумел бы управлять всей их ордой по своему желанию. Он сотворил бы из самого себя маленький мирок — мирок созданий, подвластных ему. Созданий-компаньонов, созданий-рабов. С различными типами телосложения и с различными типами мозгов. Он вырастил бы собственную небольшую цивилизацию.

Более того. Он сотворил бы расу — порожденную им, развитую им, чтобы помогать. Расу из сотен крошечных фигурок, рук тренированных, зубов точеных, глаз всевидящих. Они бы напали на санитаров и освободили его. А дальше — вот он, внешний мир с отвалами глины. И в этом мире — крошечная армия, способная зарываться глубоко в землю, пробираться незамеченной по всем открытым пространствам. Возможно, наступит пора, и никого не будет, кроме воспитанных им маленьких глиняных человечков. Они не станут тогда вести дурацкие войны, чтобы парни сходили с ума на них, не станут вождель, требовать пиши. Исчезнет плоть! Восторжествует божественная глина!

Но всего этого уже не будет. Возможно, он и сумасшедший, потому что грезит о таких вещах. Ведь этого точно уже не будет. Но одно он знает наверняка — без глины он совсем потеряет рассудок. Сегодня вечером он ощутил, как рассыпается его тело. Глаза, пристально всматривающиеся в свет луны, казалось, больше не принадлежат ему. Точно они на полу где-то или в углу. Губы шевелятся, но он не чувствует, чтобы напряглись мускулы лица. Он говорит, а звуки исходят откуда-то с потолка, а не из горла. Он раскрошился, точно глиняная фигурка.

Волнения дня совершили с ним это. Величайшее открытие, а потом дурацкая настойчивость Старра. Старр! Он виновник всего. Он в ответе за все. Он тянет Коулина к полному сумасшествию, к ужасному, безмянному существованию больного умом, и оттого настолько слепого, чтобы хоть что-нибудь понять. Старр приговорил его к смерти. Если только он сам не приговорит Старра прежде!

Возможно, приговорит!

А что с того? Дюдакка явилась непонятно откуда — то ли из головы, то ли из воздуха. Она явно не умещалась в голове. Мысли больше не умещались в голове — они рассыпались, как и тело. Что это было сейчас?

Возможно, он убьет Старра.

Как?

Выяснит его планы, иден.

Как?

Подошлет глиняного человечка.

Что?

Подошлет глиняного человечка. Вчера он вдохнул в них жизнь. Они живут. Они одушевлены. Один из них проползет под дверь, пересечет холл, подслушает Старра. Если у тебя одушевленное тело, ты услышишь Старра.

Мысли путались.

Но как я сделаю это? Глина есть глина. Глиняные ножки устанут от долгой ходьбы через холл туда и обратно. Глиняные ушки — даже самые совершенные — не вынесут звука людских голосов.

Думай. Останови метание мыслей. Выход...

Да, есть выход! Коулин чуть не задохнулся от радости. Сумасшествие его, судьба, выпавшая ему, были спасением! Если способности его еще не нарушены и воздействие на глину не утрачено, то почему бы не передать эти особые человеческие способности в глиняные подобия? Сосредоточившись, передать слух глиняным ушам, возможность ходить — глиняным ногам. Его тело и чувства распадутся. Так и надо переправить их глине!

Он рассмеялся, зажег лампу, схватил крошечную фигурку и начал концентрироваться на передаче ног. Сбросив тапочки, изучал заботливо ноги, сверялся с рисунками, работал, посмеивался, работал — и получилось. Затем он в темноте лег в кровать, размышляя.

Глиняная фигурка скользнула на пол по ножке стола. Коулин почувствовал, как отдался в ногах удар об пол. Да! У человечка были *его* ноги.

Пол задрожал, загрохотал. Еще бы. Глиняные уши различают любые вибрации, не замечаемые человеком. А теперь это и *его* уши.

Неотданная часть тела — глаза Коулина — видела, как прокралась к двери маленькая фигурка и шмыгнула в щель. Дальше все погрузилось во мрак, и Коулин точно приклеился к кровати, сосредоточиваясь.

Глиняный Коулин не видел. У него не было глаз. Но зато были инстинкт и память.

Глиняный Коулин шагал сейчас по миру гигантов. Появилась нога, нога колосса. Коулин вжался в пол, когда монстр, поднимая адский грохот, проползал рядом.

Глиняный Коулин двинулся дальше. Инстинктивно отыскал нужную дверь — четвертую по счету. Пролез под ней и наткнулся на ковер. Ноги тут же занули, чуть только острые, как бритвы, ворсинки вонзились в подошвы. В вышине раскаты голосов. Точно великаны сотрясают воздух.

Доктор Старр и профессор Джеррис. Последний был что надо, всегда имел свое мнение, но вот Старр...

Глиняный Коулин затаился под креслом, затем пополз к величайшим пикам костлявых коленей Старра. Напрягся, чтобы различить в грохотании слова.

— Этот Коулин — конченный парень, я верно говорю. Все, доламывается. Пробовал днем напасть на меня, когда я сказал ему, что отберу глиняных кукол. Вы думаете, что они заменяют ему домашних животных. Возможно, и он так думает.

Коулин прилип к брюкам Старра. Слепой, он не знал, смогут ли обнаружить его, но пробирался все выше, чтобы схватить весь разговор.

Заговорил Джеррис:

— Возможно, что он так и думает. Возможно, они для него и в самом

деле как домашние животные. Во всяком случае... что делает кукла на вашей ноге?

Кукла на вашей ноге? Коулин!

Коулин в своей комнате отчаянно пытался спасти жизнь, спасти слух и ноги, но поздно. Возглас недоверия, грохот, что-то обхватило его, и агония...

Коулин откинулся на подушку — провалился в залитый красным мир.

* * *

Солнце светило Коулину в лицо. Он приподнялся в постели. Ему что-то снилось?

— Что-то снилось? — прошептал он.

И снова повторил шепотом:

— Что-то снилось?

Слов он не слышал. Он оглох.

Глиняная фигурка была его ушами, его слухом; вчера вечером доктор Старр разбил ее. И вот теперь Коулин глух!

Сумасшедшая мысль. Коулин подпрыгнул от ужаса в кровати и свалился на пол.

Он обезножел!

Глиняная фигура была его ногами, так он сам пожелал, а сейчас она разбита. Он без ног!

Его чувства, его члены были разрушены. В самом деле разрушены! Ноги, уши по какому-то дьявольскому наущению были отданы разбитому уже глиняному человечку. И вот теперь он потерял их. Спасибо небесам, что хоть глаза при нем!

И все-таки страшно смотреть на то, что было его ногами; страшно ощущать никчемность отростков по бокам головы, бывших недавно ушами. Коулин переполнился ужасом и ненавистью. Это все Старр наделал. Убил человечка — искалечил Коулина.

Ну что ж, прямо сейчас и здесь. Что еще остается? У него есть его мощь. Он может оживить глиняные фигурки, а потом наделить их *особой* жизнью. Он может, сконцентрировавшись и использовав собственное физическое разрушение, передать часть себя глине. Вот и отлично. Старр заплатится.

Коулин лежал в постели. Когда днем зашел Старр, он не поднялся. Старр не должен видеть его ног, не должен понять, что он глух. Вероятно. Старр говорил о глиняной фигурке, которую обнаружил вчера прилипшей к его ноге, о глиняной фигурке, которую разбил. Вероятно, он говорил о разбитых глиняных фигурках, которые сейчас смял в кучу вместе с остальной глиной. Вероятно, он справлялся о здоровье Коулина и почему тот в постели.

Коулин симулировал вялого, занимающегося самосозерцанием шизоида. Доктор Старр забрал всю глину и ушел.

Тогда только Коулин ухмыльнулся. Вытащил из-под листов бумаги крошечного глиняного человечка — единственного, которого успел припрятать. Этот человечек был само совершенство, с необыкновенно мускулистыми руками и длинными ногтями на пальцах. Зубки у него тоже будь здоров, но он был все-таки недоделан. У него не было лица.

Коулин принялся за работу — скоро стемнеет, надо поспешить. Достал зеркала и, доделывая фигурку, улыбался сам себе, как будто делился таинственной умешкой с кем-то... или чем-то. Спустились сумерки, а Коулин продолжал работать неустанно, по памяти — работать нежно, ловко, точно артист, точно творец, вдыхающий жизнь в глину... Жизнь в глину...

* * *

— А я говорю, что эта чертова кукла была живая! — воскликнул Джеррис. Он наконец-то оставил всю свою начальственную спесь в офисе. — Я сам это видел!

Старр улыбнулся.

— Она была глиняной, и я разбил ее, — сказал он. — Давайте оставим это в покое.

Джеррис пожал плечами. Два часа размышлений. Завтра он увидит самого Коулина и выяснит, чем тот занимается. Он ведь гений, хотя и сумасшедший. А Старр — глупец: очевидно, он и вывел Коулина из себя, ткнув пальцем в его физическую ущербность и забрав у него всю глину.

Джеррис снова пожал плечами. Глина... и вчерашний вечер, воспоминание о крошечной, безупречно слепленной фигурке, прилипшей к штанине Старра, куда вообще *ничего не могло прилипнуть*. Однако она *прилипла*. И когда Старр разбил ее, глиняные кости вылезли наружу, оголились внутренности, а сама фигурка скорчилась — или свет падал так, что, казалось, скорчилась.

— Перестаньте пожимать плечами и пойдите выспитесь, — усмехнулся Старр. Но усмешка получилась совсем неестественной, отметил Джеррис. — Не беспокойтесь об этом типе. Он свихнулся, и отныне я буду обходиться с ним соответствующим образом. Слишком велико было мое терпение. Пора и силу применить. И... я бы не стал на вашем месте даже заикаться о глиняных фигурках.

Сказано было приказным тоном. Джеррис напоследок изобразил покорность пожатием плеч и вышел.

Старр выключил свет и приготовился вздремнуть тут же у стола дежурного. Джеррису была известна эта его привычка.

Джеррис спустился в холл. Странно, как прочно засела в нем эта история! Глиняные человечки... Лепка их была так совершенна, так удивительно точна в миниатюре! И все-таки фигурки эти из глины, всего лишь из глины. Они не дернулись, когда Старр мочалил их кулаками. Глиняные ребра рассыпались, глиняные глаза выскакивали из всамделишных глазных впадин и катались по столу — отвратительно. А как умело на них наложены были глиняные волосики и слои кожи! Точно разделанный труп в крошечном анатомическом театре. Сумасшедший Коулин или наоборот в здравом уме, но он — гений.

Джеррис пожал плечами, на этот раз сам себе. Какая чертовщина! Он поморщился, чтобы избавиться от наваждения.

А затем увидел ... *ее*.

Похожую на крысу. Маленькую крысу, которая, выпрямься, на двух вместо четырех лапках бежала по холлу. Маленькая крыса без шерсти, без хвоста. Маленькая крыса, отбрасывающая тень... *человека!*

У нее было лицо, оно смотрело вверх. Джеррису показалось, что ее глазки *метают* в него *молнии*. Маленькая коричневая крыса, сделанная из глины, — нет, маленький глиняный человечек, подобный тем, которых лепил Коулин. Маленький глиняный человечек, спешащий к двери Старра, проползающий под ней. Настоящий маленький человечек, живой!

Джеррис разинул рот. Он тоже, видать, свихнулся, как и все пациенты психушки, как Коулин. Но несмотря ни на что, это бежало в офис Старра, это двигалось, это имело глаза, лицо и это было из глины.

Джеррис дернулся. Побежал... нет, не к двери Старра, а в комнату Коулина. Ключи у него всегда с собой. Казалось, не секунда, а вечность прошла с тех

пор, как он нашарил замок и распахнул дверь, и другая вечность, пока он отыскал выключатель и щелкнул им.

И целую вечность невыносимую он таращился на существо в кровати — существо с короткими и толстыми ногами-обрубками, лежащее, вытянувшись, на спине посреди раскиданных в беспорядке инструментов для ваiania, с зеркалом поперек груди, существо, уставившееся в потолок спящим лицом, которого не было.

Секунда точно *растянулась*. Крики из офиса Старра раздавались уже, должно быть, с полминуты, когда Джеррис наконец-то услышал их. Крики перешли в стоны, а Джеррис все продолжал таращиться на лицо, которого не было, — лицо, которое менялось на его глазах, тая, превращаясь в кашу, сплющиваемое невидимыми руками.

Повторилось то, что случилось вчера вечером. Нечто уничтожило лицо человека на кровати, оторвало голову от туловища. А стоны все неслись с другого конца холла.

Джеррис бросился туда. Не прошло и минуты, как он первым ворвался в офис. И увидел то, что ожидал увидеть.

Свесив голову на сторону, Старр полулежал на стуле. Маленький глиняный человечек сделал свое дело — доктор Старр был мертвее не бывает. Крошечная коричневая фигурка разорвала своими безупречными ноготками горло спящего и с мастерством хирурга применила их и, вероятно, зубы, повредив самое опасное место на шее. Старр умер, не успев избавиться от дьявольски точной копии человека, но конвульсивно, последними дикими движениями он оторвал глиняному человечку голову, искромсав лицо.

Джеррис отодрал злобного монстрика и раздавил — коричневая мякоть вылезла между пальцами. Он сделал это еще до того, как в офис сбежался весь персонал.

Затем он нагнулся и поднял с пола оторванную голову с расплюснутым лицом — миниатюрным, заботливо отделанным лицом, которое победно скалилось в последней предсмертной усмешке.

Джеррис, содрогнувшись, пожал плечами и разбил на кусочки маленькое глиняное лицо Коулина, творца.

В 1994 году

**ЧИТАЙТЕ В РАЗДЕЛЕ «КНИГА В ЖУРНАЛЕ»
роман знаменитого английского писателя
Джона КРИЗИ
«ГОРОСКОП УБИЙСТВ»**

Джон Кризи занесен в «Книгу рекордов Гиннесса» как самый плодовитый современный автор: за свою жизнь он под 25 псевдонимами написал (и опубликовал!) 564 книги!

Однако знаменит он не только плодовитостью, и заслуживает внимания читателей не только как «фабрикант романов», но и как автор интереснейших детективных историй. Русскому читателю известна серия романов Кризи об инспекторе Уэсте, один из них — «Тайна Кукабурры» — переведен еще в 1965 году.

«Книга в журнале» предлагает роман из серии о Ричарде Роллионе по прозвищу «Франт». В нем герой в ходе расследования сталкивается с ясновидящей...

Перевод сделан специально для нашего журнала.

СТРЕЛЯЙТЕ В ЭЛЕКТРОННОГО ДРАКОНА!

...Дракон приближался. Ну, сейчас же его, наконец, прикончу! Торжественно улыбаясь, я поднял бластер и нажал на спусковой крючок.

Пистолет лишь сухо щелкнул.

Похолодев от ужаса, я бросил взгляд на индикатор зарядки — энергия была на исходе! «Это конец», — пронеслось у меня в голове. Драконья пасть, изрыгая косматое жаркое пламя, приближалась, постепенно закрывая от меня весь мир...

Черт! Опять проиграл. Который раз уже не могу прикончить этого монстра — вечно что-нибудь мешает. Врачно взглянув на экран, где мерцала надпись «Загрузите 1-ый уровень игры», я включил магнитофон. По экрану побежали разноцветные полосы — мой компьютер стал считывать с кассеты информацию.

Есть пара минут, чтобы расслабиться.

Я посмотрел в окно. На пустыре мальчишки гоняли мяч. Наивные, они, конечно, не знают, что я, не слезая со стула, могу сыграть в этот презренный футбол в одной команде с Диего Марадоной! Более того — я могу побывать во всех уголках земного шара, пройтись по поверхности неизвестных планет, отправиться и в прошлое, и в будущее, могу поучаствовать во всех битвах, которые были и даже которые — не дай Бог, конечно, — еще только могут произойти, могу поспорить в гонке с лучшими водителями и сыграть партию в шашки не с кем-нибудь, а с самим Альбертом Эйнштейном. И все это — благодаря электронному чуду, которое стоит у меня на столе.

Чудо это зовут Компьютер. Для одних он помощник в работе, для других — просто игрушка. Игрушка конца XX века. Она позволяет развить логическое мышление, реакцию и, не сходя с места, усовершенствовать соображалку». Это игры нового поколения — игры для домоседов.

Если вам вдруг захотелось сыграть, но не с кем, — вот тогда вам и понадобится компьютер. Необязательно, чтобы он был дорогой, с монитором, винчестером и дисководом. Вашим партнером в любой головокружительной игре может стать хотя бы простенький домашний компьютер «ZX Spectrum». Он относительно дешев, ибо использует телевизор вместо монитора и обычный кассетный магнитофон вместо устройства долговременной памяти, но в то же время удобен в обращении.

«Спектрум» появился на свет в 1982 году благодаря англичанину Клайву Синклеру и сразу завоевал огромную популярность. Во-первых, из-за своих возможностей, а во-вторых, из-за цены — он стоил всего 99 фунтов, тогда как самый дешевый «настоящий» компьютер того времени оценивался примерно в 700 фунтов. Далее улучшение этой модели проходило по двум линиям: 1) увеличение возможностей и 2) снижение цены.

С первых же дней продажи популярность «Спектрума» превзошла все ожидания. Компьютеры продавались по 15 тысяч штук в неделю. И даже сейчас, с появлением более мощных машин, «Спектрум» не утратил популярности и продается чуть не во всех странах мира.

ВРЕМЯ, СВОБОДНОЕ ОТ СКУКИ

Александр КУДРЯШОВ
СТРЕЛЯЙТЕ
В ЭЛЕКТРОННОГО ДРАКОНА!

Поначалу компьютеры для игр и не предназначались. Но одна фирма, занимавшаяся программным обеспечением для ЭВМ, однажды заметила, что особенности процессоров — главной детали любого «умного» компьютера — позволяют создать неплохую динамичную графику. А уж все остальное, как говорится, было делом техники.

Создание компьютерной игры требует много времени и профессиональных знаний, поэтому придумывание наиболее сложных и увлекательных игр — удел специалистов. Один, например, работает над графикой, другой программирует звуковые эффекты и т. д. Однако даже при «бригадном» подходе создание только одной хорошей игры требует долгих месяцев напряженного труда.

Тем не менее число игр для того же «Спектрума» уже перевалило за десять тысяч. Поскольку они поступают на рынок сплошным потоком, то, естественно, появилась необходимость как-то их классифицировать. Большинство западных компьютерных изданий придерживаются следующей классификации.

Текстовые игры (или «приключенческие» — *adventure*). Это самый древний, но не устаревший жанр компьютерных игр. В «адвентюрных» играх графика была и остается на втором месте. Главное здесь — диалог человек-компьютер. Вы даете команду своему персонажу на каком-нибудь языке (как правило, английском), а компьютер отвечает, что из этого вышло, или показывает действие на экране. Для текстовых игр характерно невероятное количество предметов, которые приходится брать и куда-то относить. Проблемы и с игровым пространством — число лестниц, коридоров и пещер может достигать нескольких сотен!

Аркады (*arcade*). Пожалуй, самый распространенный и любимый жанр компьютерных игр. Героя здесь можно видеть и управлять им с помощью

клавиш «вверх», «вниз», «вправо» и «влево». В аркадах вы можете заняться уничтожением всевозможных роботов, монстров, драконов, космических кораблей, танков, волшебников и прочей нечисти, а закончив массовое истребление, увидите, что незаметно для себя совершили что-то полезное — освободили принцессу, похитили секретные документы, спасли Галактику и т. д.

Боевики (*actions*). Единственная цель игр этого класса — настрелять побольше очков и уничтожить как можно больше врагов. Стреляйте, не раздумывая.

Имитаторы (*simulations*). Вам предоставляется возможность поуправлять машиной, мотоциклом, самолетом и прочей техникой, а то и просто подражать с применением приемов каратэ. Имитаторы создают подчас довольно убедительную иллюзию активного участия в той или иной заварушке — а это ли не цель, желанная для завязатоq домоседа?!

Головоломки (*puzzle*). Решайте на здоровье всевозможные загадки и задачи — эти программы для того и предназначены.

Стратегические (*strategy*). Здесь вы — прославленный (и не очень) полководец (диктатор, президент и т. п.) и должны выиграть какое-нибудь сражение (или, в случае с президентом, устроить перестройку в компьютерной стране).

И, наконец, **традиционные** (*traditional*). Это обычные игры в шашки, шахматы, карты, но не с приятелями, а с шулером-компьютером.

Итак, если у вас есть «Спектрум», и вы захотели поиграть, нет ничего проще. Загружаются все игры с обыч-

ного кассетного магнитофона и с обычной кассеты. Сначала, как правило, — картинка-заставка, потом — сама игра. После загрузки высвечивается на вашем самом обычном телевизоре (хоть цветном, хоть черно-белом) меню игры, предлагающее выбрать управление — от клавиатуры или от джойстика. Джойстик — это специальная игровая ручка, схожая с ручкой управления самолетом-истребителем (и не удивительно — ведь назначение их очень близко!). Кроме того, в меню вы иногда найдете инструкции или демонстрационную игру. Прежде чем ринуться в пучину приключений, лучше сначала выбрать эти пункты — это чуть-чуть вам поможет.

Попав в незнакомую игру, трудно удержаться от желания куда-то бежать, в кого-то стрелять, что-то искать и т. д. Не отказывайте себе в удовольствии — порезвитесь. Если вам повезет, и вас не ухлопают сразу же, то, возможно, вы набредете на загадку или препятствие, которое покажется вам непреодолимым. Не отступайте — и в конце концов вы доберетесь до финала. При этом почаще смотрите на экран — там обычно содержится масса полезной информации (очки, количество «жизней», собранные предметы, оставшееся время и т. д.). Надписи, увы, обычно на английском, так что неплохо бы его подучить.

Ну, а когда войдете во вкус, пожалуйста, не просиживайте за экраном ночи напролет и помните о коварстве вашей «умной» игрушки.

Впрочем, я уже ни о чем не помню. На меня опять надвигается гигантская оскаленная морда. Но теперь-то мой бластер готов дать бой этому монстру. Давай, давай, подходи ближе, мы снова сразимся с тобой — диковинный электронный дракон, что уютно устроился у меня на столе.

Александр КУДРЯШОВ.

В № 7 «Лада» я прочитала «Круг игры» с описанием народных детских игр. Может быть, вам будет интересна самодельная игра, придуманная в нашем дворе. Ее очень любили мальчишки. Не знаю, может, она существует еще где-то — но мы ее знали как чистую самодельность.

ВЫСЛЕЖИВАНИЕ

В эту игру лучше всего играть в сумерки, когда очертания предметов теряют четкость, во дворе, где много кустов, построек, закоулков. Выбирается ведущий — остальные должны его ловить. Ведущему дают возможность спрятаться, а когда все «следопыты» возвращаются во двор, он подает «голос» (свист, условный выкрик, подражание птице или зверю). «Следопыты» бросаются на голос, но тут ведущий должен бесшумно покинуть убежище и подать «голос» еще откуда-нибудь — может, с противоположной стороны. Когда «следопыты» приближаются, ведущий замирает, когда отдаляются — привлекает к себе внимание. Требуется знание местности, умение бесшумно передвигаться, хорошая ориентация, в т. ч. звуковая.

(Игру придумал Глеб. Однажды я таким образом ловила его целый вечер, выдохлась и попросила себя обнаружить).

Т. П. СОПИНА.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ИНФАРКТА

Об авторе: О. Поветкин родился в Таллине, когда название этого города еще писалось с одним «н», и чуть не умер в Москве через сорок лет после этого события. Работал во многих газетах, а незадолго до своей несостоявшейся гибели, — в «Неделе».

Женат, сын-отличник. Сейчас находится на заслуженном напевательском отношении к собственному здоровью отдыхе.

Вот что он пишет. Вы только почитайте!

Моя задача проста и скромна: раз уж инфаркт неизбежен у каждого четырнадцатого (по статистике) члена нашего общества, то пусть хотя бы у каждого десятого из этой компании возникнет желание в ответственный момент оказаться не на зимней рыбалке или на митинге, а непосредственно в лечебном учреждении либо на пути к нему.

Первое. Если вам стукнуло сорок, то непременно справитесь у родных и близких, не случались ли в вашем роду инфарктники. Особенно среди мужской половины. Даже если вы все еще увлекаетесь футболом и не прочь поспорничать с юными девами в иных играх, — все равно не поленились осведомиться у двоюродной бабушки: а что случилось с дядей Колей двадцать лет назад?

Ах, вот как, грудная жаба, значит. По-современному — ИБС, ишемическая болезнь сердца. Немедленно бросьте курить, взноситься на седьмой этаж с рюкзаком картошки за плечами и сориться с тещей. А еще работайте ночами, поглощать сало, молоко, яйца, хлеб, картофель — даже если все это вам и по карману. Ешьте, что попроще. Лучше овощи. Тут бы мне и сослаться на необходимость обратиться к врачу. Он, мол, советует. Но в том-то и дело, что сначала нужно оговориться: врачи ничего не понимают в инфарктниках. Месяцев за восемь, или за полгода до первого инфаркта я был у кардиолога. Покальвало где-то, в общем.

«Отменное сердце», — радостно возвестил доктор, разглядывая мою могучую грудную клетку. — Как у быка.

Отсюда второе. Сумейте настоять, чтобы вас не только прослушали и про-

стукали, но и сняли кардиограмму. И лучше, если не одну, а три — в разных лечебных учреждениях. Не знаю, как вы этого добьетесь, это уже ваши заботы, но позарез нужны три кардиограммы минимум, чтобы сравнить.

Потом заведите знакомства среди медиков. Это довольно просто, если вы холостяк, и гораздо сложнее, если верный семьянин, да к тому же трезвенник. И все же не теряйте надежды, заплатите деньги и проверьтесь на какой-нибудь современной аппаратуре. Деньги не пропали, потому что теперь, после разговора с двоюродной бабушкой, вы все равно будете спать и видеть большую зеленую, мерзкую грудную жабу. А нет бляшки — нет и жабы.

Кстати, о снах. Это — третья. Незадолго до первого приступа, приблизительно эдак за год, сны мои стали другими. Перемены эти коснулись не столько сюжетной, так сказать, стороны ночных видений, а их настроения.

Если раньше мне снился полет, то протекал он большей частью в вертикальном или горизонтальном направлении и вызывал чувство сладкого замирания и свободы. Теперь же я все чаще пикировал в глубокие провалы, в какие-то буераки, штольни и просыпался с тяжестью во всем теле, словно тебя засыпали пляжным песком, а потом пошли пить лимонад, а про тебя забыли.

А мой сосед по палате вообще рассказывал чудное видение. Правда, посетило оно его непосредственно после приступа. Сначала острая боль, потом отрыв от земли, затем летящий клин черных мешков — штук двенадцать-пятнадцать над бездной. И уверенность, что в одном из них путе-

шествует он, и недоумение: как это можно видеть себя со стороны.

Сосед, смущаясь, сказал, что тогда ему в голову пришла идея немного помолиться, потому что жажда жизни оказалась в нем в тот момент мощнее сладкого ощущения путешествия в неведомое и прекрасное нигде. И надо же: один мешок вдруг замедлил полет, начал снижаться и, наконец, приземлился в каком-то захламленном дворе поблизости от стального серого контейнера. Солнечный свет померк, и сосед увидел над собой лица врачей.

Теперь четвертое. Работа. Раньше вам хотелось блеснуть своим профессиональным мастерством. Ну, там внести какое-то сногшибательное предложение, черкнуть сенсационную заметку, надуть покупателя граммов на триста картошки, проскочить на «Запорожье» между «Мерседесом» и двадцатитонным трейлером. И вдруг что-то внутри вас говорит: не делай этого, лучше отдохни. И точно, вместо рискованной статьи вы с изумлением начинаете перебирать бумажки, составлять список читательских писем, не идете на совещание, а если идете, то либо молчите в тряпочку, либо раздражаетесь нервной бранью так, что пугает даже ваш тертый начальник. И все это время у вас тяжело на душе, хочется выскочить за дверь и пойти испуститься.

В дополнение к последнему разделу помните: окружающим плевать на ваше состояние, потому что окружающие — люди, а не ультразвуковая установка. Им не видна холестериновая бляшка в стене главного сосуда вашего несчастного сердца. Им невдомек, что кровь не может пробиться через сужившийся просвет и поэтому вы теперь другой человек. Наплюйте на них, не в них нынче суть. Займитесь собой. Ну, уволят — значит, уволят. Найдете новую работу, пусть не такую денежную, зато со свободным «временисповеданием». Все равно вам придется сделать это.

Что пятое? Пожалуй, мелочи — супружеское ложе. Поскромнее, поскромнее, господа. Но даже если все на первый взгляд прошло гладко, но в желудке, словно вы проглотили живого кальмара, а кожу на плечах и икрах будто покусываюте мириады острозубых жучков, то оставьте это занятие до лучших времен. Ей-богу, не смейтесь. Это не я говорю, а доктор медицинских наук, профессор, автор книг, которых вы, конечно, не читали.

Есть у вас шесть соток? Когда копаете,

сдавливает невидимый обруч плечо, предплечье, запястье? Портится настроение в прекрасное летнее утро, когда вы поставили у грядки тридцать пятую по счету лейку и шестидесятое ведро? Мерзнут пальцы рук и ног прохладным вечером у костра?

И самый главный вопрос, на который вы должны ответить себе без всяких эквивалентов — честно и откровенно: как часто возникает у вас чувство страха? Жуткого, беспричинного, глубокого и сырого, как колодец, страха смерти? И не хочется ли вам при этом потерять кончик носа или покусать пальцы, особенно мизинец?

Если да, то знайте, это ваша более или менее расшатанная нервная система предупреждает своего хозяина о смертельной опасности. Как жаль, что она не умеет разговаривать! Но если попытаться вслушаться, то получится приблизительно такой монолог: «Слушай, ты что, очумел! Ну, взял ты бревно, ну, вкопал на полметра... А ведь сердце-то чуть не лопнуло. Чувствуешь тяжесть в груди? То ли еще будет!»

И, наконец, завершающая нота первого акта — вы идете по улице и вдруг посередине груди (по-медицински — в загрудинной области) поднимается ощущение жжения. Вы, конечно, не обращаете внимания. Особенно, если вас порой мучает изжога или накануне случилось на спор тлпнуть стопку неразведенного спирта. Да, очень похоже, очень. Поэтому надо закуриить и прибавить шагу. Молитесь! Первая затяжка — самая страшная, именно она дает резкое сокращение кровеносных сосудов. Это была первая ваша возможность перенестись в мир иной, но вы ее не заметили. Оно и понятно, — вам едва за сорок, какое сердце!

Итак, слава Создателю, вы в реанимации. Самое дурное позади. Впереди — самое плохое. Поэтому с данного мгновения вы должны ловить каждое слово лечащего врача. Сказано, не вставать — не вставайте. Не шевелитесь! Не шевелитесь. Клизму! С удовольствием.

Слушайте врачей, повторяю. Помните: они не смыслят в кардиологии, но ваши друзья и знакомые ведают еще меньше. Значит, из двух зол приходится выбирать наименьшее. Я имею право сделать такое безответственное заявление, и вот почему.

Второй инфаркт настиг меня непосредственно в лечебном учреждении, где я находился по поводу разыгравшейся аллергии. Съел, понимаете, пару ложек протер-

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР

Олег ПОВЕТКИН
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ИНФАРКТА

той с сахаром клубники. И вот, почувствовав, как душа моя начинает с острой болью прощаться с телом, я попросил соседа по палате, известного, кстати, кинооператора, пригласить дежурного врача. Не отправляться же, в самом деле, туда в присутствии всего-то одного свидетеля.

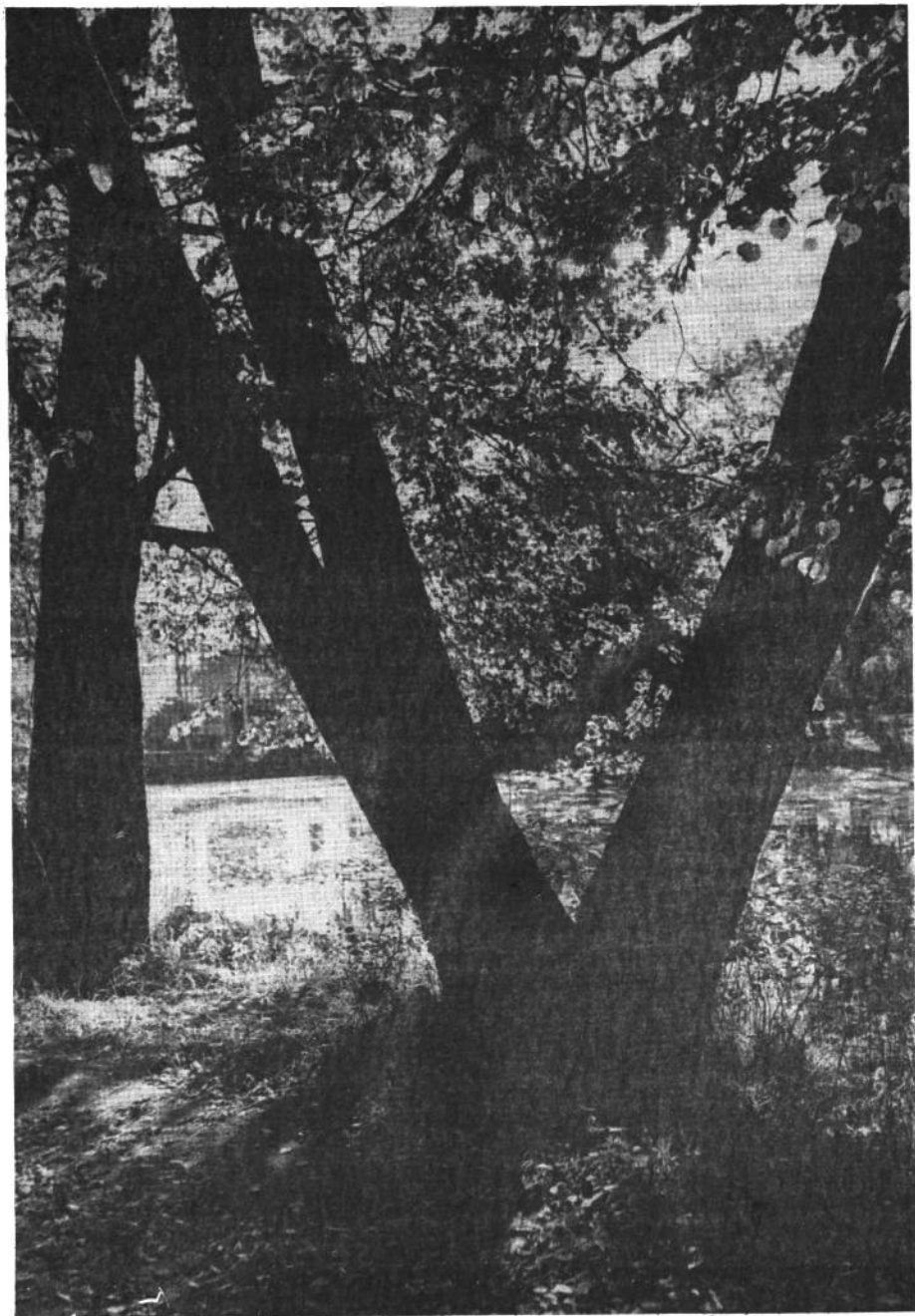
Пришла молодая симпатичная женщина, и я, предъявив ей буквально почерневшие руки, сказал: «Две минуты назад у меня случился инфаркт». Она посмотрела так... И вообще, врачи любят смотреть на пациента как на малого, несмышленного ребенка. Мол, бывает, милый, бывает. И не пытайтесь даже сопротивляться этой чисто профессиональной черте. Свою правоту там надо доказывать не словом, а делом. Например, на следующий день меня выписали, домой я пошел пешком. Никогда не забуду, как заведующая отделением, лечащий и дежурный врач, стояли втроем,

передавая из рук в руки свежую кардиограмму, и нежными голосами внушали мне, что никаких изменений на ленте они не видят. А на второй день после выписки мне уже звонили домой из кардиологического отделения, предлагали лечь и ни в коем случае не шевелиться до прибытия «скорой». А я-то собирался было прогуляться по Измайловскому парку. В итоге же — еще два месяца постельного режима.

Вот и все. Об остальном справитесь у лечащего врача.

Олег ПОВЕТКИН.

**Раздел подготовлен при участии специалистов
областного Центра медицинской профилактики.**

ЕПИСКОП-СТАРЕЦ

Воспоминания об епископе Антонии ФЛОРЕНСОВЕ

Антоний (Флоренсов) — бывший Вологодский и Тотемский епископ. Был ректором Самарской семинарии, в 1890 г. возведен в сан епископа Острожского, а в 1894—1895 управлял Вологодской епархией. Епископ Антоний был духовником о. Павла Флоренского, знаменитого русского ученого и богослова.

В 1918 году в Донском монастыре в Москве скончался Преосвященный Антоний Флоренсов, бывший епископ Вологодский.

В Москве и провинции многие знали Владыку, как мудрого и благодатного духовного руководителя. Он был настоящим православным «старцем» — руководителем людей и в их практической жизни, и на их путях к спасению. Но вместе с тем он имел свои особенности, отличавшие его от наших старцев и приближавшие его к нашей современности. Во-первых, он был епископ, с необычайно сильным сознанием в себе силы и власти епископа Вселенской Церкви; во-вторых, он очень широко смотрел на условные формы современной ему церковной обстановки и, хотя часто принужден был подчиняться этой обстановке, но внутренне всегда был от нее свободен; наше синодальное управление, обер-прокуратура, архимандриты и консистории никогда не казались ему вечными и неизменными категориями. Он был свободен и широк и в своих суждениях о науке, языческой древности, которую он очень чтит, природе, семье.

Я имел счастье личного общения с Владыкой в течение 1908-10 гг. Последующее имеет задачей познакомить читателей с его образом, поскольку он отразился в нескольких его беседах, которые я тогда же с буквальной точностью записывал <...>

Он жил в Донском монастыре «на покое» с 1898 года, занимая точно то самое помещение, которое впоследствии было отдано Святейшему Патриарху Тихону, — от ворот сейчас же направо, в монастырской стене. Пройдя под обширными массивными сводами ворот, посетитель поднимался по узкой лестнице во второй этаж. В годы моего знакомства с Владыкой при нем жил все тот же келейник Ж; но часто Владыке приходилось самому подходить к двери на робкий звонок (колокольчик) посетителя. После обстоятельных расспросов через запертую дверь, посетитель через маленькую переднюю приглашался в небольшую приемную, которая обычно служила и столовой — диван с подушками, овальный стол, кресло, несколько стульев, дверь в кабинет и спальню. Комната эта нисколько не характерна для хозяина: настоящие комнаты его, с его образами, книгами, большим сундуком биографических материалов — записей о его беседах с посетителями, — все это было дальше — в кабинете и спальне Владыки, куда он допускал немногих, как особую милость.

Не всегда Владыка сразу выходил к гостю: обычно посетитель томился в приемной минут 30—40, с тоскою прислушиваясь к звону склянок, плеску воды, тяжелым вздохам Владыки или шелесту бумаги. Давал ли Владыка собраться с мыслями посетителю в эти полчаса ожидания, или готовился сам к приему и беседе, перебирая свои заметки, относящиеся к делу, или, действительно, ожидая (зимою),

пока восстановится температура, нарушенная приходом гостя с воздуха, как это он сам объяснял.

Наконец быстрыми шагами выходил он сам, сильным движением давал благословение, усаживал гостя и сам усаживался в кресло. За мои многочисленные встречи с Владыкой я видел его в самых разнообразных состояниях: большим, гневным, огорченным, но никогда не помню его вялым, равнодушным, слабым. Всегдашняя бодрость, какая-то душевная выпрямленность, постоянная готовность к действию — были его главными чертами. Таков он был и по наружности: очень высокий, несгибаемый, в остроконечной скуфье, с темными суровыми глазами на темном худом лице. Таким именно я вспоминаю его чаще всего, хотя и часто видел его и в других аспектах: шутивным, ласковым; но и тут всегда чувствовалась его постоянная готовность к бою, к беспощадному действию. Говорил он в диалогах — отрывисто, повелительно, немного нетерпеливо, а в беседах — монологах — очень драматично, выразительно и живо, богатым образным языком, не гнушаясь простонародностью и грубоватостью.

Способы его общения с посетителями и руководства были очень разнообразны: иногда это была обстоятельная, ученая беседа, большею частью монолог. Со мною часто бывало, что я шел к нему, приготовив и обдумав несколько определенных вопросов. Придешь: Владыка ни о чем не спросит, даже не даст рта открыт, усадит и начинает сам говорить; и очень редко бывало, чтобы в этом обширном монологе я не нашел прямых ответов на вопросы, с которыми я пришел. Иногда руководство Владыки выражалось в форме исповеди, тщательной, настойчивой, беспощадной; иногда это было гневное «отчитывание», если это нужно было по соображениям его педагогики. В гневе, в обличении Владыка был страшен, но, по его словам, при самом сильном шторме гнева в душе его всегда оставалась тишина, «кусочек ясного голубого неба», иногда это была молитва; многократно и на себе, и на близких, и на незнакомых мне посетителях я наблюдал силу и действительность молитвы Преосвященного.

Бывало, что он прерывал неожиданно беседу и уходил в свой кабинет, явно для молитвы, на несколько минут.

Беседы Владыки касались самых разнообразных вопросов: житейских, научных, философских, но было у него несколько излюбленных тем: греческий язык, брак и семья, некоторые психологические вопросы, главным образом из той несуществующей еще науки, которую проф. о. П. Флоренский называл биографикой. <...>

Вопросы индивидуальной психологии, характерологии и биографики занимали Владыку прежде всего как духовного руководителя множества разнообразных душ: от торговца квасом до профессора Московских клиник. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психо-физиологии, к той области, где душевные проявления стоят в связи с физическим складом человека, к вопросам расы, породы, крови, темперамента. Справками из этих областей он часто мудро объяснял и разрешал запутанные положения и сложные вопросы, с которыми к нему обращались его духовные дети. Часто, говоря об определенных людях и их пороках, он говорил: «Это у него — в крови, в самой его физиологии; от этого он избавится только освободившись от тела», и из житий святых приводил примеры прочности и неискоренимости черт темперамента, как, например, гневливости.

Не только как духовник, но и как ученый, психолог он всматривался в человеческие характеры, из года в год следил и делал записи за отдельными лицами, давал мастерские психо-физиологические портреты, и, я думаю, не без влияния его о. П. Флоренский пришел к задаче найти законы, по которым строится индивидуальная биография, характеристика возрастов, кризисы, характеристика имени и его влияние, планетные типы и т. д. <...>

Семью, семейную жизнь Владыка ставил очень высоко; у него было очень яркое представление дома, очага, семьи в их первичности, праведности, благо-

ЕПИСКОП-СТАРЕЦ

словенности. Особое значение он придавал совместной трапезе, видя в ней не только процесс насыщения, но и некоторое тайнодействие. Пища, приготовленная женой, и пища ресторанныя, приготовленная для всех вообще неизвестными людьми, — совершенно разные вещи. «Муж должен есть только из рук своей жены», говорил Владыка. «Муж, переночевавший вне дома, под чужой крышей, этим самым изменил своей жене». В своих отношениях к домашнему очагу Владыка проявлял характерную для православия чуткость в различении органических соединений людей (семья, монастырь, церковная община) от механических — канцелярия, школа, отель, где соединение людей происходит по случайным признакам; и зло таких соединений двойное: они ослабляют человеческую душу, отрывая ее от связей органических и развращают ее, приучая к несерьезным, внешним отношениям (временность, неполнота и случайность связей механических).

К Владыке часто обращались со всякого рода семейными затруднениями, касающимися семейных ссор, развода, воспитания детей, выбора невесты. Владыка входил в подробности обстоятельств и неоднократно мудро разрешал казалось неразрешимые вопросы. У Владыки были точно выработанные представления об условиях удачного соединения в браке, особенное внимание он отдавал «породе», сословию, национальности, даже происхождению из той или иной губернии. Меньше всего он принимал во внимание «увлечение», влюбленность, и часто указывал определенный выбор вопреки «чувству». <...>

<...> В обычный приемный час (11—12 ч. утра) я пришел рано, но у Владыки уже была посетительница какая-то незнакомая мне дама средних лет. Я принял благословение и сел в стороне, в Владыка продолжал прерванный моим приходом разговор: длинный, скучный — о докторах, детях, о своих болезнях, причем, как обычно, Владыка говорил один.

«Я человек больной, — говорил Владыка, — постной пищи не переношу совершенно. Для меня — молоко — прямо спасение. Здесь есть одна женщина, коровы у нее, — так она присылает мне и молоко, и масло, и сметану. И даром все, — да еще за счастье считает. Я бы и в пост пил его, да не могу — привык постить, в рот не пойдет; да и соблазн другим; так и не приходится есть вовсе. Утром съешь кусочек просфоры с чаем, потом обед — ешь насильно, чтобы не ослабеть, да и пища все тяжелая; все рыба ну судак там, севрюга, осетрина; только чай и спасаешься. (Я много раз видел, как обедает Владыка; обыкновенный постный стол: великолепные щи со свежей рыбой, жареная рыба с картофелем, печеные яблоки. Чай в большом количестве с медом и вареньем). Это вегетарианство было бы еще ничего, если бы я не жил арестантом; при свежем воздухе, движении, работе это было бы даже совсем хорошо. Но здесь я ничего этого не имею. Если я пойду с лопатой снег разгрести, вы первая меня осудите.

<...> Этот длинный монолог неоднократно прерывался посетителями. Сначала пришел мальчик 12-ти лет, жаловаться на старшего брата, который бьет свою мать. Пресвященный слушал очень внимательно, даже впустил мальчика в переднюю против обыкновения.

Потом какой-то мешанин через запертую дверь спрашивал Владыку, благословит ли он открывать квасную торговлю. Владыка прогнал его очень сурово: — Я квасом не торговал, не знаю. Ступай!

Опять звонок. Через дверь Владыка суровым голосом:

— Кто там?

— За благословением, батюшка, — бабий робкий голос.

— Да кто ты? имя как?

— Фекла, батюшка...

— Что ж тебе надо?

— Жизнь такая тяжелая...

Баба начинает всхлипать: муж бросил, трое детей...

— Ну что ж, дети — богатство. У тебя трое, а у меня вот ни одного. Радоваться надо.

— Благословите, батюшка, помогите чем-нибудь.

— Что ж, тебе денег надо?

— Да уж что дадите...

— Да разве ты нищенка?

— Нет, я не нищенка, дети у меня...

— Ну, на детей можно.

Владыка идет к себе, долго копаются, звенит деньгами и, наконец, выносит бабе 40 копеек.

— Вот вам, идите. Да не плачь!

Говорит он по-прежнему строго, но баба уже прямо ревет. Владыка сует ей еще денег:

— На еще, только не плачь, ради Бога не плачь.

— Вот всегда они так, — говорит он нам, возвращаясь в приемную, — наговорят, заплачут, да еще им денег плати за это. Хорошо, что еще нашлось что дать, а то иной раз не то что сорока — четырех копеек нет.

Я как-то спросил Владыку, почему он так суров с посетителями.

— Много я слез проплакал вместе с ними, сказал Владыка; все выплакал, теперь у меня глаза всегда сухие.

В начале 1909 года Владыка был болен, слаб, очень боялся простуды и принимал все меры: заперся в своих комнатах до весны, не подпускал близко пришедших с воздуха, а разговаривал стоя на пороге в приемной, закрыв рот рукой. Его прямая, высокая фигура, исхудалое лицо, неулыбающиеся темные глаза производили на меня немного жуткое впечатление.

У меня в это время было тягостное литературное судебное дело, его отложили рассмотрением, и я пришел 25 февраля посоветоваться с Владыкой о дальнейшем. Я сидел довольно долго в приемной-гостиной и с томлением слушал, как Владыка тяжело с раздумьем вздыхал в соседней комнате. Мне было немного страшно: неужели это он обо мне.

Вышел он, против моего ожидания, веселым, бодрым и сейчас же благословил меня. Оказывается, он не выходил, ожидая пока не восстановится равновесие температуры, нарушенное моим приходом. Он уселся в кресло, как всегда держась прямо, и после коротких вопросов о деле (он почему-то очень был рад, что дело отложили) начал говорить, глядя в сторону и иногда улыбаясь.

— Непременно, непременно займитесь чем-нибудь. Вы человек молодой, способный, — рано вам в отставку, на мое место. Да и тяжело это — не всякий выдержит: других это озлобит, исковеркает. Вот наши архиереи — чуть в отставку, он не знает что с собой делать, хандрит, скучает, а то возьмет и умрет. Я не понимаю этого, я никогда не знал, что это за штука такая — скучать. Куда меня ни кинь, я найду себе дело.

— А все от того, что есть у меня одно качество.

Он немного помолчал, а потом совсем просто, как будто говоря самую обычную вещь, продолжал:

— Качество это — мое золотое сердце. Это моя способность погружаться до дна в каждое положение, входить в душу каждого, кто приходит ко мне, и говорить с ним как с самым дорогим человеком.

А потом есть у меня еще занятие — греческое Евангелие. Сегодня я как только встал, сейчас же встал за него. Я не знаю высшего удовольствия, как говорить с Ним, разбираться в Его словах: ведь греческий язык был общепринятым в то время во всей Палестине и возможно, что и Он, и ученики Его говорили теми же звуками, которые мы читаем в Евангелие. Иногда попадешь на одно слово и носишься с ним целый день. А ведь для этого нужна и наука, и психология, и знание языка. (Владыка этот период усиленно занимался греческим языком, и его

ЕПИСКОП-СТАРЕЦ

духовный сын Ф. доставлял ему в большом количестве грамматики и словари...) Если бы я прожил еще 100 лет, я продолжал бы заниматься тем же и это мне не наскучило бы.

Другие занимаются философией... Ну, древняя философия еще ничего: она естественная, природная, без кокетства; а новая — ерунда, туман; или материализм или гностицизм. Я пробовал читать; подойдешь к этому туману, начнешь расчленять, делить и на первом слове — стой, и оказывается, что все произвольно, шатко, основные понятия не определены.

А то еще такие, что ищут какую-то силу, гипнотизма и все такое. Я этого не терплю. Природа, правда — вешунья, у нее и пророчества, и чудеса, и тайны, — да тебе-то что. Да, так вот я и говорю: я доволен своим положением. У меня есть Собеседник; а кроме Него, Его ученики, апостолы: а потом — ученые, исследователи. Я никого не отрицаю, я всех выслушаю, и возьму, что смогу и что найду для себя полезным.

Из своего заточения Владыка зорко следил за современной жизнью; он был в курсе многих течений, которыми бурлила Москва в мутный период 1908-10 гг. Многие из видных деятелей разнообразных религиозных и мистических течений были ему хорошо известны, кое-кто посещал его. Особенно близко к сердцу принимал он частые среди молодежи увлечения внехристианской и антихристианской мистикой. По отношению к таким он имел свою особую стратегию и педагогику.

Однажды, среди разговора, вне связи с этой темой он вдруг спросил меня: — Вы не знаете ли Бр.?

Я знал этого студента, очень талантливого и стремительного, частого посетителя Религиозно-философского общества, в последнее время запутавшегося в теософии, йогизме, оккультной практике и дошедшего до сильного нервного расстройства. Я рассказал Владыке, что знал. Он слушал насторожившись.

— Знаете, что,— сказал он потом с живостью.— У них (у теософов) свое общество, а мы устроим свое. Уж я выдам вам свои тайны. Тут приходила ко мне одна барышня, тоже запуталась с ними и хочет освободиться. Бр. тоже был у меня; я отпустил его и просил зайти после. Так вот вы и соберите мне все сведения о них, кто у них главный, где живет, где они собираются и т. п. Мне нужно быть в курсе всех их дел.

В связи с этим он много мне говорил о поэте Б.

— Это юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если бы ко мне сам обратился — это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я начал бы понемногу. Сначала попросил бы его показать мне какое-нибудь свое произведение. Потом стал бы анализировать его, но только не главное, а так какую-нибудь мелочь, чтобы через эту гордыню постепенно подобраться к главной его цитадели.

Он помолчал, а потом серьезно сказал:

— Он плохо кончит. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, он эти опыты (развитие в себе оккультных сил) давно уже стал делать, с тех пор как умер отец. Растрепется совсем,— а жаль, он человек талантливый.

Очевидно эта тема очень занимала Владыку, потому что через месяц он снова в беседе со мною вернулся к ней.

— Ему нужны точные, научные знания, а не фантазии и субъективизм. Субъективизма и у меня много. Я бы сказал его матери, да боюсь. Она мне говорила о сыне, что, мол, у него талант и тому подобное, а я прикинулся непонимающим, бесполоквым и молчу себе. Вот если бы она сама меня спросила,— это другое дело. Я бы ей тогда рассказал. А то наговоришь чего, а они обижаются, сразу у них в преисподнюю и провалишься. А я этого не желаю, мне нужно в их сердце прочное место завоевать. А то посадят тебя в подвал, в ниж-

ний этаж. Я этого не хочу; я хочу в самый верхний этаж. Я люблю горный воздух, орлиные места — залететь туда, да и считать оттуда ворон.

Последнюю тираду он произнес с большой силой, будто грозясь кому-то. В нем самом сразу проглянуло что-то орлиное.

Я стал рассказывать ему про курсистку О., убежавшую из одного кружка оккультистов, которую мои друзья слишком поторопились «спасать».

— Нехорошо это, — сказал Владыка, — поторопился Ф. Надо помнить Евангелие. Во-первых, — это насилие, во-вторых, сказано ведь: «не мечите бисера перед свиньями», а в ней столько бродит еще этого свинского. Я бы ее не так вел. Я бы ее подготовил сначала, никогда сам ничего не предлагал. Пусть бы она сама попросила. Да и тут я не сразу согласился бы (дело шло о причащении Св. тайн). Вот когда она стала бы требовать, доказывать, что она готова, тогда другое дело. Я всегда оставляю полную свободу. И это самая лучшая политика. А то ведь иначе как выходит? Ведь она все на тебя же потом свалит. Ты содействовал? — Я. — Значит ты и виноват: «не мечите бисера перед свиньями, чтобы они не потоптали его ногами и, обратившись, не растерзали вас». Вот я и не даю им права «обратиться», но зато потихоньку так взнуздаю такую свинью, в такие введу ее оглобли, что тут уж она не повернется.

Через несколько дней (22 марта), я опять был у Владыки. Всегда я шел к нему с некоторым волнением и даже страхом, а сейчас особенно волновался, так как прямого дела у меня не было никакого, и я боялся беспокоить Владыку в первый же день страстной недели. Но его беседа в то же время так была мне необходима, что я решился и пошел.

Когда я вошел, он горячо беседовал с господином лет пятидесяти (потом Владыка рекомендовал его, как члена Русского окружного суда).

Вот такой видел Володгу епископ Антоний

ЕПИСКОП-СТАРЕЦ

— Мы хорошо знаем ее православие, — иронически говорил Владыка, продолжая прерванный разговор. — Вы вот истории не знаете. А вот почитайте, что она сделала с епископом Мацкевичем. Мученик он был. Я за упокой его души всегда молюсь.

Тут Владыка раскрыл какую-то книгу и прочел из нее краткую характеристику епископа Мацкевича.

— ... расстричь его и назвать Андреем Вралем». Вот она как, игуменья-то наша! Вот ее православие! Вот она все монастыри наши и позакрыла. Прежде Русь оттого и была святая, что всюду по ней обители стояли. Здесь и благочестию учились, и лечились от болезней — это наши курорты были. А теперь, как поднялась эта волна — революция, как наступила эта тьма — куда народу обратиться? в кабак? в клуб? Вот я и пробую открывать то, что она позакрывала.

— Вот отыщите мне игумена, — вдруг обратился он ко мне.

— А как же у вас с Феодосием. Ваше Пресвященство? — спросил я. Дело шло о хлопотах Владыки по открытию Соловецкой пустыни возле Симбирска. На Феодосия он сильно надеялся, видя в этом имени нечто провиденциальное, так как первый игумен Соловецкой пустыни был тоже Феодосий.

— Не отпустил его Веннамин, — сказал Владыка. — Самому, говорит, нужен. Что ж, я покорился. У меня и не дрогнуло ничего. Да будет Его святая воля. Может быть, даже это и лучше. Мне нужен образованный человек, а Феодосий, кажется, дальше городского училища не пошел.

Я вам сейчас опишу, какой мне нужен игумен. У меня к нему два требования: У Апостола Петра (здесь Владыка начал говорить медленно, раздельно, с некоторым усилием, как всегда, когда он говорил что-либо особенно важное); у Апостола Петра есть место: «Будьте готовы всякому дать ответ в уповании вашем». («Будьте готовы всегда всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением») 1, П, III, 15. Я проанализировал это место по греческому тексту. Так вот, мне и нужен такой, чтобы всякому мог дать ответ, защититься, веру свою доказать, чтобы умел сдачи дать всякому, так чтобы в ушах зазвенело. Недавно ко мне приходила одна католичка, недовольная своим ксензом. Ну, я как психолог сейчас же начал рыбу ловить. Говорю ей: «Ваши ксензы такие ученые, благочестивые». А она мне тут и стала рассказывать: даже имена назвала. Ну так вот с ней как быть. Ведь ей надо суметь объяснить все, что она станет спрашивать о католицизме, православии, лютеранстве.

А второе свойство игумена — я тоже беру его из Евангелия. Когда Господь посылал на проповедь своих учеников, он им дал дар исцелять болезни и изгонять бесов: «Уверовавших будут сопровождать сии знамения: именем моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, будут брать змей и если кто смертоносное выпьет, не повредит им, возложат руки на больных, и они будут здоровы». Так мне нужны два из этих свойств: первое и последнее. Игумен должен бесов гонять. Их теперь много развелось. Никогда ко мне не приходило столько бесноватых, как теперь, после революции. А для того, чтобы иметь силу изгонять бесов и исцелять, надо быть бессеребренниками.

Собеседник стал было возражать, что такого игумена не найти, но Владыка веселым голосом перебил его:

— Я оптимист; а вот вы пессимист, это нехорошо. У вас дочь невеста, надо, чтобы и вы были человек веселый, а то вашу дочь никто замуж не возьмет.

— Ну так вот, — продолжал он, — сыщите мне такого игумена, откуда хотите: из духовенства, из дворян, из купцов, крестьян. Лучше, конечно, из духовного или дворянского сословия, а то в этих плебейских классах много фарисейской завкаси. Неvezды они, больше за внешнее благочестие держатся. Упрется на одной букве — и толкуй с ним. Двумя или тремя перстами креститься? Да не все ли равно. Я бы обрубил ему все пальцы, вот и крестись как знаешь. Нена-

вижу я их всех этих невежд, раскольников, секты, и говорить с ними боюсь: мужик меня не поймет, да еще осудит.

Приближалось время обеда, и Владыка уже не так строго следил за связностью своей речи. Не помню, в какой связи он заговорил о своем отвращении к телефону: рассказывал очень живо, со смыслом и жестами.

— Однажды Преосвященный Дмитрий вызвал меня к телефону, а я отродясь не говорил по телефону, да и боюсь, вдруг он выстрелит мне в ухо или еще что-нибудь. Подхожу, беру эту трубку — мерзость ужасная. Слушаю: говорит Преосвященный, голос как у марионетки какой-нибудь, пискливый, скверный! Я сказал два-три слова, протислся, бросил трубку, да и бежать — все боялся, как бы он снова меня не позвал к этой машине.

У Владыки было вообще инстинктивное (не принципиальное) отвращение к «завоеваниям цивилизации». Он не любил трамвая, железной дороги; вообще, ему была отвратительна замена живых и моральных отношений к людям, природе, пространству — отношениями мертвыми и механическими, а потому разговор лицом к лицу он считал более моральным, достойным человека, чем через трубку телефона. <...>

В разговоре я мимоходом заметил, как оскорбляет и задевает новых православных из интеллигенции, особенно девушек, запрещение женщинам входить в некоторые скиты.

— Я этого запрещения не понимаю. Ну, а если бы Богородица подошла к скиту — и ее прогнать? А если бы я пришел туда со своей матерью? Меня пропустили бы, а ты, мол, матушка, погоди за воротами. Нам заповедь дана: «Чти отца и мать», а здесь учат как раз непочтению к матери. Я не знаю, кто это выдумал, а я бы такого уставщика...

Я осмелился заметить, что этот запрет только расширение 55-го правила Лаодикийского собора, запрещающего женщинам входить в алтарь.

— Я не знаю этих правил, — с пренебрежением прервал Владыка. — Да потом, там алтарь, там черта проведена, а тут скит; неужто у них по всему скиту такая святость? Что же у них и в н...е тоже святость? Вот до какого кощунства договариваются! Я понимаю нустьножительство, но тогда уж всем запретить вход.

— Я не понимаю, ваше Преосвящество, — сказал я за тем же обедом, — каково будет юридически ваше отношение к Соловецкой Пустыни и ее игумену.

— Да никакого, или такое же, как ваше и всякого другого. Я буду ездить туда летом; ко мне, если захочет, будет приезжать игумен с разными вопросами — больше ничего. А вы чего же бы хотели?

В те времена я очень неясно представлял себе служебные и иерархические отношения в Церкви и поэтому, в очень осторожных, правда, выражениях, спросил его, почему бы ему самому не стать во главе монастыря.

— Ну, нет! Чтоб я связал себя цепями! ни в каком случае! Это для меня слишком низко, я дальше смотрю. Я — епископ Вселенской Церкви. А там мне придется и к архиерею, и в консисторию, и к нотариусу — благодарю покорно. Мы, епископы, — недаром стоим на орлецах: мне дело сидеть здесь, да и высматривать орлиным глазом. Нет! Я отсюда не уеду!

Я понял, что сказал большую глупость. Действительно, все время Владыка кипел, занятый очень разнообразными делами. Между прочим, он просматривал в самой Мозкве один упраздненный монастырь, бывший еще во времена царя Алексея Михайловича приютом для любителей книжной мудрости. Там он думал устроить особое братство и сделать его идейным центром, просветительным, миссионерским. В разработке этого плана ему очень помогал его духовный сын, тогда Privat-дент Московской Духовной Академии, впоследствии священник, Ф.

Не помню точно, когда и по какому случаю Владыка заговорил со мною о «любви к себе».

ЕПИСКОП-СТАРЕЦ

— Какая самая большая заповедь? — Возлюбите Господа вашего всем сердцем твоим, и всею душою своею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего как самого себя.

«Как самого себя». — раздельно повторил он, — вот тебе мера, критерий. Рассмотри сначала, любишь ли ты себя и как любишь. Может, любовь-то у тебя скотская, а ты хочешь и людей, и Бога так любить. Нет, ты пройди сначала первый класс, а потом уж лезь дальше. Я, по крайней мере, сижу в первом, да так в нем и умру. Оно и лучше: если нужно кому-нибудь помочь — Бог неведомыми путями воспользуется тобой так, что ты и не заметишь. А иначе — гордость. Нет. Я не тороплюсь. Уж если Бог меня принудит, поставит в такие тесные обстоятельства, что иначе невозможно, ну тогда другое дело: а пока этого нет, нечего самому торопиться.

<...> Я посетил Владыку по очень тяжелому делу. Вопрос шел о его духовном сыне, моем друге, которого Владыка в 1904 году направил в Академию, но решительно «не пускал» в монастырь. В этом году Ф. находился в крайне тяжелом настроении, в состоянии «тихого бунта».

— Если увидишь Владыку, — сказал он, прожая меня, — скажи ему обо мне. Можешь сказать, что я часто хочу видеть его, но не приеду, так как все равно не послушаю, что он мне скажет. Мне нетрудно многое убить в себе, но что из этого выйдет? Я бы мог убить в себе все, что связано с полом, но тогда во мне умерло бы всякое научное творчество — прежде всего. Ты говоришь, что так и надо, что через такую смерть проходили все подвижники. Я знаю это, но ведь меня не пускают в монастырь, мне велят читать лекции. Почему от многих сочинений, учебников, и т. п. семинарских особенно пахнет мертвечиной? Как будто бы все на месте, большая ученость, приличный язык, даже мысли есть — а читать невозможно? Потому что их писали скопцы. И я бы мог так записать, но кому нужны такие книги? Вот теперь мы с тобой пишем о Дионисе (я помогал ему в это время кончать одну работу по истории греческой религии). Но ведь я должен пережить все это, перечувствовать. Сегодня я не спал всю ночь от какого-то общего возбуждения, как будто я сам участвовал в Дионисовых празднествах. И так все.

Я передал Владыке при встрече главные факты. Владыка слушал, сидя боком и усмехаясь в бороду, но когда я сказал об алкоголе, он стал серьезен. «Рано, рано начал», — бормотал он.

— Скажите ему, — быстро сказал он, — что я очень прошу его удерживаться — до 30 лет. Пусть соберет все силы. Потом уже неопасно. Кровь бродит до 30-ти лет и последние годы особенно опасны.

Взнованный, он встал и вышел в свою комнату. Потом вернулся и продолжал:

— Пусть применяет мой сократовский метод анализа понятий. Летом я поеду в Соловецкую Пустынь и возьму его с собой. Передайте ему это — это его ободрит.

Не без молитв Владыки, я думаю, в состоянии Ф. вскоре наступило улучшение, через несколько дней он написал Преосвященному большое письмо. Еще через некоторое время он женился, принял священство и эта длительная, темная полоса в его жизни стала прошлым.

В 1910 году я редко бывал у Владыки и все как-то ненадолго, случайно: то он был болен, то занят спешной работой. Осенью он сильно был занят старообрядчеством, читал их книги, собирал литературу, между прочим поручил мне купить ему все сочинения Мельникова-Печерского.

Перед самым Рождеством вдруг заинтересовался ибсеновским «Брандтом» и попросил собрать о нем литературу. С февраля Владыка опять болел инфлюэнцей, но все же вышел ко мне, когда я посетил его. Он принимал свои обычные меры: никуда не выходил, не принимал посетителей, а если и делал для кого исключение, то с полчаса не выходил, пока посетитель не согреется, да и то близко не подходил и не благословлял.

По обыкновению, Владыка предпочел монологическую форму «разговора», много говорил о Д. С. Мережковском; говорил, что понимает его антипатию в русскому самодержавию, говорил о множестве исторических ошибок, допущенных нашим правительством, упрекал его в покровительстве немцам и в полном непонимании основного духа нашей народности и православия.

Это была моя последняя встреча с Владыкой.

В этих отрывочных заметках я хотел дать почувствовать читателю скрытую для многих, но очень существенную сторону русского православия. Она касается не внешней организации, не догматических или культовых особенностей, а самой первичной и глубокой жизни православного народа. Под формами пространственных делений (епархии, приходы) живет иная организация живых элементов православной Церкви, организация, пространственно не совпадающая с этой первой, расположенная, так сказать, в ином плане и создающаяся по иному, не территориальному принципу. Центрами ее являются особые духовно-одаренные личности, районы действия этих центров безграничны, а суть ее — в свободном избрании и добровольном подчинении одних и руководительстве других.

Если мне удалось дать конкретное ощущение одного уголка этой жизни, я сочту свою задачу исполненной.

А. ЕЛЬЧАНИНОВ.

Об авторе. Священник Александр Ельчанинов — замечательный церковный писатель, проповедник, педагог. «Он был священник и пастырь, который связан нитями духовно-отеческой любви с множеством душ», — писал в связи со смертью о. Александра его старший друг и наставник о. Сергей Булгаков.

Александр Ельчанинов с детства был связан со многими замечательными людьми того времени: его школьным товарищем был Павел Флоренский, будущий великий ученый богослов, философ; в начале века Александр был принят в литературных кругах Москвы и Петербурга, собиравшихся вокруг религиозно-философских обществ. Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Александр Блок, Николай Бердяев, Василий Розанов, князя Трубецкие и многие другие, ныне знаменитые деятели искусства и философии считали Александра Ельчанинова своим единомышленником, другом.

Священником Александр Ельчанинов стал уже в беженстве, в Ницце, по настоятельному совету о. Сергея Булгакова, во Франции о. Александр и скончался, в 1934 году. Ему было всего 53 года.

Воспоминания о епископе Антонии Флоренсове были опубликованы в философско-религиозном журнале «Путь» (№ 4, 1926 г.), издававшемся в Париже деятелями русской эмиграции. «Лад» перепечатывает текст о. Александра (с незначительными сокращениями) с этого издания.

ИМЯ И ОТЧЕСТВО НЕ СОХРАНИЛИСЬ...

Семейные альбомы надежнее, чем память. Из поколения в поколение переходят порой пожухлые, выцветшие снимки, сделанные неизвестно кем и неизвестно когда. И смотрят с них люди, совершенно незнакомые нынешним владельцам. Люди, с которыми их некому уже знать.

Иногда, правда, остаются имена и фамилии. Иногда только фамилии.

И всегда — легенды.

История этой фотографии, бережно хранящейся в семейном альбоме Николая Александровича и Нины Владимировны Великановых, что живут в деревне Оброчное Разинского сельсовета Харовского района, не такая уж и длинная. Известно, что сделан снимок был после войны, в конце сороковых. Известна также фамилия одного из позировавших (того, кто стоит слева), — Рогозин. Был он некогда умным и толковым деревенским старостой.

А вот дальше — легенда. Или правда, ставшая легендой.

В 1947 году староста Рогозин (имя-отчество, увы, не сохранились) подбил люд деревенский на восстановление тогда еще не полностью разрушенной церкви Михаила Архангела в д. Денисовской, что была прежде центром

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Петряевской волости. Власти Рогозина «не поняли». Как, впрочем, и сотрудники известной организации. А тогда разговор был короток — не успел оглянуться Рогозин, как подкатил к его дому «черный воронок».

И это все, что известно о Рогозине. Больше о нем не было ни слуху ни духу.

На снимке он стоит вместе со священником из той самой церкви, которую думал восстановить. Память не сберегла имя этого священника. Не знаем мы, и какова была его дальнейшая судьба.

Единственное, что мы точно знаем, так это судьбу горемычной церкви Михаила Архангела, что высылась некогда в Денисовской. Нету больше церкви. Не нашлось у Рогозина последователей, и она погибла.

Нет больше церкви. Нет больше мудрого старосты по фамилии Рогозин. Осталась лишь эта старая фотография.

И — легенда, так похожая на жизнь.

А. АЛЕКСЕЕВ.
Фоторепродукция В. КОРМУШИНА.

Способ высушивать в доме сырые стены

Каждое утро к сырой стене рассыпается горячий песок, скоро он начинает остывать и становится вначале влажным, затем мокрым. Стены становятся сухими, воздух теплее и легче для дыхания.

Средство распознать золото с примесью

Ваткой, обмоченной в крепкой водке, дотронуться до металла. Если место посинеет или позеленеет, это признак того, что в металле содержится медь; если нет — это чистое золото.

Картофельный сыр

Здоровое, питательное и вкусное блюдо. Превратив в тесто сваренный картофель, смешать его с такой же частью творога, прибавив немного перца, соли и пряностей. Массу разделить на маленькие хлебик, завернуть в бумагу и оставить перебродить. После чего получается сыр прекрасного вкуса.

Советы вычитал в «Вологодских губернских ведомостях» прошлого века Александр МУХИН.

НЕ ДРЕМЛИ, РЫБОЛОВ, КОГДА РЫБА СПИТ

Как известно, зимой подо льдом низкая температура воды и круглые сутки мрак, поэтому рыбы ленивы, находятся в полусонном состоянии. Ведь даже летом большинство подводных обитателей пробуждаются с наступлением рассвета. Поэтому, для успешной ловли в зимнее время, рыбу надо как-то «расшевелить», привлечь к приманке. Для этого, отправляясь на рыбалку, хорошо иметь в кармане свой свет, на что рыбы активно реагируют.

Предлагаю проверенное мною приспособление. С ним можно рыбачить до позднего вечера (рыбы и зимой придерживаются летнего режима).

Возьмите маленький аптечный флакон с резиновой пробкой и алюминиевым креплением. В таких флаконах обычно продаются глазные капли, нафтизин и др. лекарства. Сделайте в пробке два сквозных прокола и сквозь них пропустите тонкие радиопровода в капроновой изоляции. К концам проводов припаяйте лампочку от карманного фонарика (2,5-3,5 V) или большей мощности — от аккумулятора. Один провод — к цоколю лампочки, другой — к «пятке». Подтяните лампочку к пробке с таким расчетом, чтобы она висе-

ла в середине бутылочки. Плотно закройте пробку и задрайте алюминиевым ободком. Чтобы фонарик не всплывал на поверхность воды, на нижнюю часть бутылочки наденьте узкий свинцовый ободок, свернутый из ленты. Его можно закрепить на неразмокаемый клей или прикрутить тонкой медной проволокой. Длина проводов должна быть около трех метров. Скрутите провода и со свободных концов срежьте изоляцию, зачистите их шкуркой или напильником.

Теперь остается сшить мешочек для батареек, из мягкого теплового материала (сукно, толстый трикотаж, замша). Мешочек можно затягивать шнурком или застегивать на пуговицу.

Фонарик опускайте в воду на расстояние 20-30 см от дна водоема. Батарейку с приключенными проводами оставляйте в мешочке и положите на лед в стороне от лунки.

Хороший улов вам будет обеспечен до позднего вечера. А если над лункой натянута палатка, а в ней горит керогаз или походная газовая плитка, то лучших удобств и желать не надо.

В. СИЗОВ.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ГОША

Итак, мы продолжаем пополнять наш домашний зоопарк и с этой благородной целью отправляемся сегодня в экспедицию за новым экспонатом. В принципе, нам надо бы поехать в Австралию или в крайнем случае на остров Тасмания, где экспонатов этих видимо-невидимо. Но, сообразуясь с финансовыми возможностями, дальше Вологды нам, пожалуй, не уехать. А впрочем, и нет в том особой нужды, поскольку экспонатов с маркировкой «Сделано в Австралии» достаточно, оказывается, и здесь. Не верите? Тогда присоединяйтесь к нашей экспедиции, которая уже отправилась в путь.

Вернее, не в путь и не в экспедицию мы с вами отправимся, а в гости. В гости к Ане Лукиновой и австралийскому «экспонату», что имеет честь проживать у нее.

Оказавшись на месте, я первым делом начал озираться по сторонам в поисках вышеуказанного «экспоната», но таковой, однако, не спешил сам себя демонстрировать. Он молча сидел на стене.

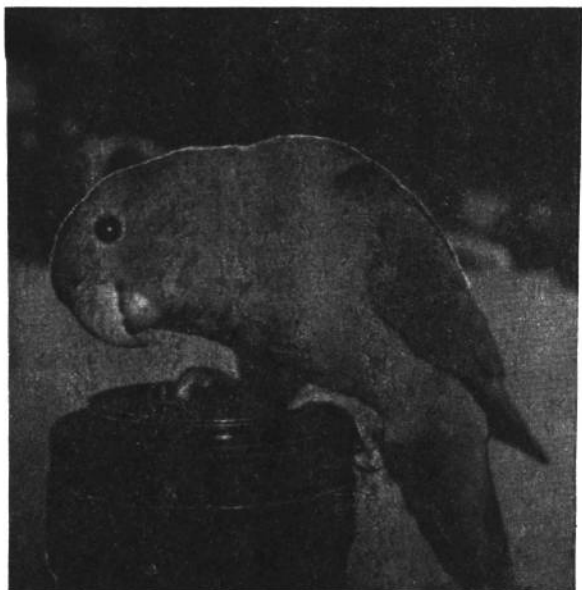
Точнее, под самым потолком, уцепившись коготками за бордюр. Ни одно другое животное так бы ни в жизнь не сумело. Чтобы сим манером висеть, надо быть волнистым попугайчиком, не меньше.

Кем, впрочем, Гоша и был. Был, есть и будет.

Взмахнув зелено-желтыми крыльями, «экспонат» вдруг со-

рвался со стены и спикировал мне на голову. Пригнуться я не успел.

К счастью, Гоша меня помиловал и не стал хватать клювом (именно хватать, а не клевать, как курица, и не долбить, как дятел, — попугаи очень любят что-нибудь похватать своим изогнутым крепким клювом). Даже снизошел потом до того, что, оставив голову

Вы думаете, что на этом снимке позирует Гоша? Неправильно думаете. Это не совсем Гоша. Вернее, совсем не Гоша. Юркий и стеснительный, наш герой фотографироваться отказался. Но надо сказать, с этим попугайчиком они здорово похожи

в покое, перелетел на стоявший на подоконнике цветок. Оказывается, это любимый его цветок. Гоша умудрился обкусать его с верхушки до корня.

А чем еще, скажите, поугаю заняться? Можно, правда, залезть в тарелку с супом и вымыться там (и Гоша залетал), можно долго и упорно играть с колокольчиком, что висит у него в клетке, — с упоением дергать колокольчик этот за язычок (и Гоша дергал), можно сесть перед зеркалом и любоваться собой, а затем бросаться на себя отраженного (и Гоша любовался), можно, наконец, просто сидеть в клетке и нагло хихикать над миром и окружающими (и это, кстати, у Гоши отлично получается).

Но мы-то привыкли, что поугаи должны уметь разговаривать. Хотя бы тривиальное

«Попка — дурак!» произносить. А вот Гоша не очень разговорчив. Сколько его не учи — не хочет болтать по-человечьи, и все тут. Однажды, правда, сидел, смотрел телевизор (это он тоже любит, вот только не удалось выяснить, что предпочитает — «Просто Марию» или «Санта-Барбару») и вдруг ляпнул: «Гоша в тапочках». Да так отчетливо, внятно. Следовательно, хотел привлечь внимание широкой общественности к тому, что давно уже босой ходит, тапочки, мол, ему позарез потребовались.

Хотя зачем, скажите на милость, Георгию тапочки? Он, по-моему, и так не мерзнет. Во всяком случае, когда он на прощание сел мне на палец, лапки у него были теплые. И в целом «пальцепожатие» было на редкость теплым и дружелюбным. Ей-

Богу, мне захотелось в ответ с чувством пожать ему руку. Что я, несомненно, и сделал бы, если б таковая у него была. А жать нежную крохотную лапку я, признаться, побоялся — уж слишком беззащитному существу она принадлежала, такому маленькому... и такому великолепному.
Андрей КУДРЯШОВ.

P.S. Для любителей-разводителей подобных «экспонатов» небезынтересен будет 2-й номер «Лада» за прошлый год — там подробно написано как о самих волнистых попугайчиках, так и о том, как их содержать. А мне остается только пожелать им успехов в этом нелегком деле и попроситься с вами, уважаемые ценители «домашнего зоопарка», до следующей встречи. До следующего экспоната, вернее.

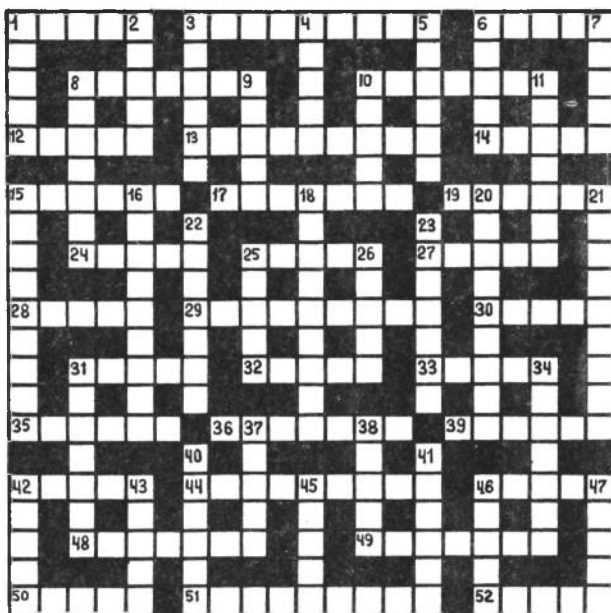
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, опубликованный в № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
2. Полип. 4. Какао. 8. Лира. 9. Скат. 12. Кит. 13. Трюмо. 14. Пенал. 15. Пик. 20 Труба. 21. Баркарола. 23. Мост. 24. Астра. 25. Агент. 26. Раб. 28. Лейка. 29. Арена. 31. Кара. 35. Полог. 36. Пирог. 40. Паря.

41. Амбразура. 42. Окоп. 43. Ров. 45. Карат. 47. Боккал. 49. Мат. 53. Табу. 54. Опал. 55. Браво. 56. Бланк.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Виш. 2. Пат. 3. Лавр. 5. Кета. 6. Оса. 7. Мали. 10. Умбра. 11. Бетон.

12. Каток. 16. Китай. 17. Вакса. 18. Марка. 19. Смена. 21. Барселона. 22. Аргентина. 26. Рак. 27. Бар. 30. Ролик. 32. Аврал. 33. Сокол. 34. Топор. 37. Сопот. 38. Обвал. 39. Бутон. 44. Овал. 46. Агра. 48. Арба. 50. Араб. 51. Куб. 52. Кок.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Вологодский писатель. 3. Тип человека по характеру. 6. Река в Беларуси. 8. Город в Китае. 10. Удача, счастье. 12. Денежная единица ряда стран. 13. Великий русский химик. 14. Петля для ловли животных. 15. Промысловая рыба. 17. Цель стремлений в буддизме. 19. Положительно заряженная частица. 24. Защитный шлем. 25. Шахматная фигура. 27. Химическая посуда. 28. Садовый цветок. 29. Искусство приготовления пищи. 30. Точка небесной сферы, противоположная зениту. 31. Основатель советского государства. 32. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 33. Мелкая административно-территориальная единица. 35. Животное отряда приматов. 36. Государство в Европе. 39. Настил для пола. 42. Потомок людей европейской и индийской расы. 44. Кухонный прибор. 46. Игра в мяч клюшкой. 48. Древнеиндийская поэма. 49. Селекционер, автор сортов яблонь. 50. Растение болот, прудов. 51. Прибор для измерения температуры. 52. Все население определенной страны.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Основа жизни, соединение аминокислот. 2. Болгарская ясновидящая. 3. Рас-

тительная ткань, проводящая органические вещества. 4. Смолоподобное вещество, вытекающее из расщелин скал и применяемое в народной медицине. 5. Домашнее животное. 6. Естествознание. 7. Огнестрельное оружие. 8. Литературное преувеличение. 9. Человек с выдающимися способностями. 10. Газ, разрушающий озоновый слой. 11. Область возле Северного полюса. 15. Место содержания пресмыкающихся. 16. Заросли мелкодеревных растений. 18. Штат в США. 20. Погибшая цивилизация. 21. Жанр изобразительного искусства. 22. Столица одного из государств СНГ. 22. Картина Серова. 25. Облом, горизонтальный прямоугольный выступ в базе колонны в карнизе, и т. п. 26. Место жительства. 31. Устройство для определения местонахождения объекта с помощью анализа звука. 34. Советский актер, директор цирка. 37. Созвучие в конце строки. 38. Религия мусульман. 40. Особенности произношения, свойственные говорящему не на своем родном языке. 41. Приватизационный чек. 42. Вид городского транспорта. 43. Буква греческого алфавита. 45. Род вечнозеленых деревьев семейства сумховых. 46. Герой одной из повестей А. Толстого. 47. Австрийский врач, основатель психоанализа, философ.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Эф. Слово о ладе	2
И НЫНЕ, И ПРИСНО	
Апостол земли Русской святой Андрей Первозванный	4
Архиепископ Иннокентий Херсонский. Ангел-хранитель	7
КАК ЖИВЕТ РОССИЯ	
А. Орлов. Древний город на озере Лача	13
ПРОЧИТЕ ДЕТЯМ	
Р. Красновский. Мы живем на Севере	18
БАБУШКИНО СЛОВО	
Л. Зорина. Море, река молока!	23
САМЫЙ КРАСИВЫЙ ДОМ	
А. Мухин. Вы такой где-нибудь видели?	25
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
О. Нэш. «Три С»	27
Р. Блох. Веселые человечки	30
ВРЕМЯ, СВОБОДНОЕ ОТ СКУКИ	
А. Кудряшов. Стреляйте в электронного дракона!	39
Почта «Лада»	41
СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР	
О. Поветкин. Жизнь после инфаркта	42
СЕВЕРНЫЙ АРХИВ	
А. Ельчанинов. Епископ-старец	46
ФОТОАЛЬБОМ	
А. Алексеев. Имя и отчество не сохранились	56
НА ВСЕ РУКИ	
Полезные советы	57
НИ ЧЕШУЙКИ, НИ ХВОСТИКА	
В. Сизов. Не дремли, рыболов, когда рыба спит	58
РЯДОМ С НАМИ	
А. Кудряшов. Великолепный Гоша	59
Кроссворд	61

Учредители — управление образования администрации Вологодской области
и ТОО редакция газеты «Красный Север»

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ как региональное издание, свидетельство о регистрации № 0110462 от 23 марта 1993 г.

Сдано в набор 27.10.93. Подписано в печать 09.11.93. Формат 60×84/16. Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 3200 экз. Цена в розницу 30 руб. Индекс издания 73666. Заказ 3601.

ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Ф. СП-1

ЛАД

АБОНЕМЕНТ на журнал

73666

(индекс издания)

Количество комплектов

на 1994 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ЛАД

доставочная карточка

на журнал

73666

(индекс издания)

п/в

место

ли-
тер

Стои-
мость

по каталогу

руб. _____ коп. _____

Количество комплек-
тов

за доставку

руб. _____ коп. _____

на 1994 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.
При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи.
В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

И НЫНЕ, И ПРИСНО
«АПОСТОЛ ЗЕМЛИ РУС-
СКОЙ — СВЯТОЙ АНДРЕЙ
ПЕРВОЗВАННЫЙ» — житие
первого ученика Христа,
принесшего Слово Божие в
славянские земли

ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНЫЙ АРХИВ

«ЕПИСКОП-СТАРЕЦ» — вос-
поминания Александра Ель-
чанинова (впоследствии свя-
щенника) об Антонии Фло-
ренсове, Вологодском епис-
копе в конце XIX века

КАК ЖИВЕТ РОССИЯ

«ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ОЗЕ-
РЕ ЛАЧА» — рассказ о ста-
ринном городе Каргополе

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

«ВЕСЕЛЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ» —
рассказ Роберта Блоха, клас-
сика «ужасной» прозы. Пе-
ревод — специально для
«Лада»